

INSPIRIA

Эндрю Тирнос

УЛАКИ

Афера, убийство
и журналистское расследование

18+

INSPIRIA

Novel. В тихом омуте

Эндрю Пиппос

У Лаки

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-31(94)

ББК 84(8Авс)-44

Пиппос Э.

У Лаки / Э. Пиппос — «Эксмо», 2020 — (Novel. В тихом омуте)

ISBN 978-5-04-192149-1

Действие романа разворачивается вокруг сети ресторанчиков в Австралии, в диаспоре греческих эмигрантов. Лаки Маллиос – главный герой или же главный злодей? Всего одно неосмотрительное решение запускает цепочку необратимых событий. Теперь всю жизнь ему придется отчаянно пытаться переписать концовку своей трагической истории. Эмили Мэйн – журналистка, которая хочет выяснить подробности жестокой бойни, произошедшей в одном из ресторанчиков Лаки. Что это – профессиональный интерес или побег от последствий развода? Пожар, который изменит все. Статья в «Нью-Йоркере», которая должна спасти карьеру. Тайна пропавшего отца. Любовь – потерянная и вновь обретенная. В этом романе сплетены истории, полные несбывшихся надежд и вопросов без ответов. Готовы ли герои встретиться с собственным прошлым? Какие секреты скрывает каждый из них?

УДК 821.111-31(94)

ББК 84(8Авс)-44

ISBN 978-5-04-192149-1

© Пиппос Э., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

2002	6
2002	7
1945	16
1913–1939	22
2002	27
1945	33
1971	40
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Эндрю Пиппос У Лаки

Для Рене

Так Дон Кихот становится рыцарем...
Симон Лейс

Andrew Pappos
Lucky's
© Andrew Pappos 2020

Перевод с английского *Ксении Гусаковой*

© Гусакова К., перевод на русский язык, 2023
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

2002

1

У него все еще оставалось время что-то изменить. Не прозвище, от которого он никак не мог избавиться, и не внешность, и не недостатки характера – тут почти без шансов, ведь для глубоких внутренних преобразований уже давным-давно поздно. Василис Маллиос по прозвищу Лаки, «счастливчик», предполагал, что все-таки сумеет переписать историю своей жизни, а точнее, ее концовку.

Лаки сидел за кухонным столом, расстелив на нем газету, и чистил орегано от стеблей. Травы провисели в буфете всего неделю и не успели как следует высохнуть, но ждать было невмоготу, необходим был привычный ритуал. Он помогал ненадолго вернуться в прошлое. Лаки отложил стебли в сторону и перебрал кучку цветочных головок, вынимая серые веточки. Аромат плыл вверх, словно призрак. Лаки говорил себе, что всем кого-то не хватает: умерших родителей, ушедших слишком рано супругов, предавших возлюбленных, бросивших семью братьев или сестер, не обретенного друга или друга, который ушел, не родившегося ребенка, человека, которым мы должны были стать, не хватает жизни, которую мы должны были вести. Или же нам не хватает ребенка, которого мы все еще можем завести, семьи, которую мы вот-вот обречем, любовника или губителя на пороге. Лаки на короткое время смирился, что его мир неполноценен, прочувствовал момент, а когда он кончился, включил телевизор.

В тот день Лаки примчался домой после встречи в банке и сразу же срезал ригани из буфета у кухонного окна. Обширный новый жилой комплекс напротив выглядел, как башня с вывернутыми наружу карманами. А дом, где жил сам Лаки, напоминал ему придорожный мотель.

Специалистка по кредитам банка «Санкорп», отклонившая его заявку, была очень добра. Она сослалась на отсутствие дохода за последние двадцать четыре месяца, но не упомянула, что вообще-то Лаки уже слишком стар для таких внушительных долгов. У него нет активов, нет поручителя. Специалистка сказала, мол, ей нравится идея начать все заново. Само сочувствие. По особым случаям ее семья ходила в бывший ресторан Лаки в Стэнморе. Она помнила музыкальный автомат, масляную картошку во фритюре, зал, похожий на декорации в телесериале. И специалистка знала более позднюю историю Лаки, «трагедию в вашей жизни», как она выразилась. Если бы только «Санкорп» выдавал кредиты на таких основаниях. В конце встречи Лаки признался: этот банк – последний в списке кредиторов, к которым он обращался.

«О чем это мне говорит?» – посетовал Лаки, поблагодарил женщину за уделенное время и притворился смиренным, не желая выдавать обиду, но финальная остановка в цепочке неудачных попыток получить кредит говорила ему следующее: банки в Сиднее слишком консервативны.

В гостиной беззвучно мигал телевизор. После рекламы букмекерской конторы продолжилась передача «Колесо фортуны», средний ее сегмент, после бессмысленных раундов на скорость. Все трое участников выглядели испуганными. Как будто их случайно забросило за табло и они там совсем ни при чем. Лаки разгадал два задания еще до того, как кто-либо коснулся колеса. Еда: шкварки. Фраза: пуститься в погоню.

Лаки Маллиос пересыпал ригани в банку и скомкал газету, подняв зеленую пыль в воздух. Когда зазвонил телефон, Лаки встал, не отрывая глаз от экрана телевизора. Пять гудков и пауза – международный вызов.

– Вы у Лаки! – нараспев произнес он в трубку.

2002

1

Эмили Мэйн стояла на углу в лучах солнечного света, который ассоциировался у нее с фотографиями, где люди покоряют вершины гор. Голубое небо подкрашивало стекла машин, чей поток толчками тек через перекресток. Эмили больше не чувствовала себя изможденной: легкий ветерок наполнил ее потоком новой силы. Была середина дня. Где-то в пути между Лондоном и Сиднеем у чемодана заклинили колеса – они скрежетали, когда Эмили переходила дорогу и входила в отель.

Ее самолет дал круг над гаванью Сиднея, над лихтенбергской фигурой северного пригорода, и сверху Эмили увидела дым пожаров на далеком юго-западе, где серые столпы поднимались в небо, исчезали за горизонтом. Изабель на стойке регистрации отеля упомянула запах гари, окутавший и город. Внезапно оживившись, Изабель сказала, что скоро пойдет дождь: ночью она слышала на заднем дворе лягушек, верный знак. Просторный вестибюль пах ванильными свечами и был заставлен мебелью, выставленной на витринах магазинов напротив: белые диваны с кожаными подушками, цилиндрические абажуры, резные стулья, огромные белые ракушки на журнальных столиках голубого мрамора. На темном, как почва, деревянном полу виднелись царапинки. На стенах висели увеличенные фотографии местной флоры, зернистые, как старая ткань. Изабель поинтересовалась, впервые ли Эмили в Сиднее (нет, бывала давным-давно), нужен ли ей звонок-будильник (нет) и необходим ли доступ в интернет (да).

Эмили ждала электронное письмо от Майкла, своего мужа, хотя на прошлой неделе он использовал слово «спутница», чтобы представить ее знакомым, с которыми они столкнулись на Чемберлейн-роуд. Позже, когда Эмили задала вопрос, он ответил, что оговорился, вот и все. Ничего такого. Не то чтобы ей сильно не нравилось это слово, но беспокоило все остальное, что Майкл делал и говорил в последние месяцы. И появление термина «спутница» подсказывало, что он как-то по-другому относится к ее статусу и к их браку, который действительно превратился (против ее воли, словно по приказу тирана) по большей части в бесстрастный и практичный союз. Изменения, как проследила Эмили, начались в июне прошлого года или около того, когда они начали попытки забеременеть. Когда секс все-таки случался, прикосновения в процессе сводились к минимуму. А если совместное времяпровождение не было направлено на достижение цели, то оно обычно включало выпивку. Майкл любил вино и пиво, Эмили – сидр. Майкл говорил ей: «Мне больше нравится слегка пьяный секс». Иногда они засиживались допоздна и рассуждали о том, как наладить брак, пока Эмили не уходила спать такой изможденной и оцепенелой, что на следующий день едва помнила, что они друг другу рассказывали. И все же, думала Эмили, мы не пробовали терапию для семейных пар. Не ездили в настоящий отпуск. Она твердила Майклу, что чувства в браке зачастую остывают (или что, черт возьми, случилось), но пары способны их воскресить и зажечь еще лучше, чем раньше. Подобное исцеление обещали целые полки в книжном магазине. И тут она приводила в пример друзей и знакомых, которые преодолели, как она подозревала, те же проблемы. Майкл отросил волосы до плеч, новая прическа ему очень шла.

«Он явно в депрессии. Ему нужно с кем-нибудь поговорить», – поделилась Эмили со своим другом Лиамом.

Они знали друг друга со второго курса Голдсмитского колледжа, где оба посещали занятия, посвященные центральноевропейскому роману. Эмили слышала о нем и до семинара, когда их общий друг заявил, что она просто обязана познакомиться со смышленным пар-

нем-ирландцем по имени Лиам, в которого наверняка влюбится – платонически. Так сразу же и случилось. Лиам и Эмили подружились и после выпуска разделили двухкомнатную квартиру с наклонными полами на Лэдброук-гроув. Лиам уговорил домовладельца разрешить перекрасить спальню в темно-красный. Дело было в конце восьмидесятых. Они оба запомнят Лэдброук-гроув как хороший период в четыре года. Испытывая огромную неуверенность в собственном таланте из-за потери связи с друзьями, Лиам разорвал договор аренды и уехал из Лондона работать берлинским корреспондентом для «Гардиан». В своей новой квартире недалеко от Ораниенплац он стал беспросветно несчастен и пил без меры, но всегда ухитрялся находить хорошие сюжеты. Иногда на выходные он прилетал обратно в Лондон и ночевал на диване у Эмили, которой привозил немецкие колбаски и чуток отменной кислоты, спрятанной в тубике зубной пасты. Временами Эмили отправляла ему свои статьи для «Ивнинг Стэндард» или «Индепендент» или короткий рассказ.

Лиам прожил в Берлине шесть лет, после чего «Нью-Йоркер» предложили ему работу редактором документальных статей. Тогда он уже отдалился от удовольствий писательства и заявил, что уж лучше будет править чужие работы: надеялся больше не возвращаться домой по ночам, беспокоясь, что мог облажаться в деталях или цитатах в статье, которую отдал на печать. Лиам отправился в Нью-Йорк. Откуда, наверное, не вернется. Эмили вышла замуж за Майкла, сокурсника, с которым познакомилась на небольшом званом ужине в районе Харлсден.

Теперь Лиам и Эмили общались раз в месяц, если не реже, но по-прежнему открывались друг другу полностью, как много лет назад, когда допоздна засиживались на кухне, курили сигареты и пили крепкий кофе с кардамоном. Дружба иногда могла остаться на плаву, если они почти не менялись.

– Сдается мне, девушку твоего мужа зовут Сандрин, – сказал Лиам.

– Не надо шутить, что Майкл мне изменяет.

– А я не шучу.

– И всерьез про это не говори, – попросила Эмили.

Оказалось, девушку звали Тереза. Даже то, как Майкл протянул «Тере-еза», словно под кайфом, совершенно ясно давало понять, что у них, любовничков, реальный союз. И посреди ночи перед вылетом Эмили из аэропорта Хитроу в Сидней Майкл решил рассказать ей, своей жене, с которой прожил семь лет, о романе с другой. В перчатках, с шарфом на шее, он разбудил Эмили в два часа ночи, возвышаясь над ней, словно монумент. Даже в графике сна они не совпадали: Эмили ложилась рано, Майкл сидел допоздна.

– Прости, что разбудил, – начал Майкл, – но мне нужно кое-что тебе сказать, прежде чем ты улетишь в Сидней. Я влюблен в другую.

– Что? Повтори.

– Я тоже был потрясен. Ее зовут Тереза, мы встретились примерно полгода назад. Эмили села в постели.

– Идиота кусок.

– Нам нужно поговорить подробнее, но не сейчас. Я завтра напишу тебе на почту.

– Собрался куда-то посреди ночи?

– Мне лучше уйти, разве нет?

– То есть ты говоришь, что влюблен в другую, и тут же бежишь ее трахать?

– Господи, Эмили. Понимаю, я не вовремя.

– Не вовремя? – переспросила она. – Не вовремя – это когда проезжаешь рельсы и тебя сшибает насмерть гребаный поезд.

Майкл оставил дверь спальни открытой, а свет коридора включенным в их квартире в районе Кенсал-Грин. Остаток утра Эмили пролежала в постели, пытаясь убедить себя в бесповоротной реальности того, что случилось с ее браком. Она вглядывалась в светильник в форме

армилярной сферы, пока не зазвонил будильник, затем встала с кровати, приняла душ, вышла из квартиры и машинально села в метро по заранее намеченному маршруту. Уже в терминале возникла ужасающая мысль: она может быть беременна – и разум на мгновение сжался, раскололся по спирали, как ночью (а по ощущениям – пять минут назад), когда Майкл рассказал о ненаглядной Терезе. Эмили купила в аптеке тест и помочилась на него в туалете у выхода на посадку, пока уборщица в соседней кабинке хлупала водой по полу.

Три минуты спустя тест показал «отрицательно». Месяц назад такой результат не вызвал бы волны облегчения, подернутого горечью. Единственная полоска на мокрой от мочи палочке, думала Эмили, говорит о ситуации с Майклом больше, чем она сама сейчас способна выразить. У нее болела шея. Снаружи объявили ее рейс.

Когда Эмили заняла место в самолете, ей стало казаться неправильным, что она не дома, в ярости, потому что ее бросили в безвыходном положении, обманом лишили возможности полноценно ответить. Майкл явно рад, что она покидает страну. Наверняка видел поездку некой передышкой от их быта, трус, и подгадал время для признания, чтобы избежать прямого столкновения. Стюард по внутренней связи объявил текущее время и температуру в Сингапуре, где предстояла пересадка на пути в Сидней. Эмили проглотила двадцать пять миллиграммов диазепама, открыла выпуск «Нью-Йоркера» и снова захлопнула, когда самолет взмыл вверх, сделав серию прыжков.

~

В прошлом сентябре Эмили уволили с должности корректора в «Индепендент». Почему на дверь указали именно ей, не объяснили. Никто в газете никогда не критиковал ее работу – по крайней мере, в ее присутствии. Иногда ее заголовки в процессе меняли, потому что она ненавидела каламбуры, а редакторы некоторых отделов придерживались иного мнения, но в большом авторитетном издании это обычное дело. На странице она размещала только утвержденную версию. На пятиминутной встрече главный редактор поблагодарил Эмили за восемь лет работы и сказал, что доходы от рекламы падают. Когда Эмили поинтересовалась, почему не уволили другого сотрудника, ей ответили, что им пришлось кого-то выбрать, и это должен был быть штатный сотрудник из числа корректоров. Когда Эмили снова спросила, почему этим «кто-то» стала она, ей ответили, что она не то чтобы не нужна в профессиональном смысле, просто осталась без работы.

В течение нескольких месяцев Эмили получала электронные письма от бывших коллег и репортеров, которые писали не из доброжелательности, а, скорее, чтобы прощупать почву, словно беспокоились, не постигнет ли их та же участь. На одно Эмили ответила: «Я чувствую себя прекрасно. И давай по-честному: через десять лет половина офиса останется без работы».

Эмили откликнулась на вакансии, но так и не получила ни одного предложения. Она писала в компании по поводу кадровых пробелов. За пять месяцев ее безработицы Майкл ни разу не упомянул их арендную плату. Не предлагал сменить карьеру. Он даже пристроил ее на две недели в отдел социальных услуг, где работал руководителем команды. Весь день, как обнаружила Эмили, он с каменным выражением лица сидел за столом, поглощенный электронными письмами, телефонными разговорами и расшифровками интервью с клиентами. Даже в присутствии жены Майкл обедал перед компьютером. Эмили удивилась, как мало муж вставал из-за стола, словно тот был святилищем, спасением, параллельной жизнью. Во время перерыва в свою последнюю смену в отделе Эмили набросала питч статьи Лиаму. «Ты, наверное, ожидал от меня письмо в таком духе», – начала она сообщение. Эмили всегда хотелось написать что-нибудь для «Нью-Йоркера». Она планировала очерк о бывшей ресторанной франшизе в Австралии, ее взлете и катастрофическом падении. Эмили написала текст за пятнадцать

минут, не особо надеясь на фантазию про «Нью-Йоркер», и ожидала от старого друга письма с мягким отказом.

Лиам позвонил тем же вечером.

– Эмили, – сказал он. – Думаю, из этого выйдет толк.

2

Ее первый день в Сиднее: летнее солнце медленно разгоралось, но задернутые шторы номера отеля в Дарлингхерсте делали его свет оранжевым и отвратительным. Эмили убрала со стола липкое от отпечатков пальцев меню и карточки с инструкциями по обслуживанию номеров и мини-бара. Воткнула в розетку лэптоп, и пока он включался, села на кровать и начала снимать одежду.

Электронное письмо от Майкла:

Эм!

Я не представляю, как объяснить то, что произошло в моей жизни. Неспособность выразить себя – вот что лучше всего описывает мои чувства к Терезе. Жалкая ли это отговорка? Появление Терезы было неожиданно и для меня.

Съеду до твоего возвращения в Лондон. Насчет арендной платы за этот месяц не беспокойся. И удачи, я знаю, статья получится хорошей.

Майкл.

Эмили предполагала, что под «статья получится хорошей» на самом деле он имел в виду «твоя идея посредственна, и это – одна из причин, почему я влюбился в другую». Возможно, крах их брака придал ему сил. Этот тупой ублюдок уже давно отказался от их отношений, а ей приходится чувствовать... что-то еще. Эмили удалила письмо и выбросила в мусорное ведро блузку, которую Майкл подарил ей на тридцать шестой день рождения. Сколько еще они с Терезой будут портить ей жизнь? Казалось, что дверь номера распахнута и двое любовничков (Эмили ненавидела это слово) могут ворваться и забрать что угодно.

На первом свидании они поужинали и пошли в паб, где Майкл рассказал Эмили о своем старшем брате, чье тело он однажды днем обнаружил дома в Ковентри. Эта катастрофа – рухнувший на семью метеорит – стряслась после того, как брат прошел курс реабилитации от наркотиков, вернулся в отчий дом и нашел работу по мытью магазинных витрин в центре города. Майкл пришел из школы и нашел в ванной брата, который умер от передозировки. А Эмили рассказала, как в детстве стала свидетельницей самоубийства своего отца. Она ощутила, что их истории, как и их жизни, складываются и встают на свои места, словно фрагменты мозаики. Они с Майклом видели одно и то же. Они познали одни и те же печали. В ту ночь в пабе на Сент-Джайлс-Хай-стрит Эмили почувствовала, что они с Майклом наверняка полюбят друг друга, что их уже связало горе и теперь они построят счастливую жизнь вместе.

В душе Эмили повернулась так, что вода потекла меж лопаток, будто заново связывая ее воедино. Она спросила себя, не было ли ужасной ошибкой, что они с Майклом ложились в разное время и, в отличие от крепких пар, не вставали вместе. Они с самого начала жили по разным часам. Специалист по проблемам со сном сказал им, что Майкл страдает от синдрома задержки фазы сна. Как будто вы живете в разных часовых поясах, пояснил врач, в разных странах. Майклу прописали мелатонин и предупредили, что эффект может сойти на нет через полгода (так и произошло). Но если бы они ложились в одно время, каждую ночь выключали лампу в половину одиннадцатого, то у Эмили не осталось бы самых счастливых воспоминаний

о тех субботах, когда она вставала пробежать пару-тройку километров, а, вернувшись, громко хлопала входной дверью, звала Майкла, врвалась в спальню и запрыгивала на постель, смеясь и сбрасывая с себя одежду.

3

Франшиза, о которой Эмили предложила написать, называлась «У Лаки». За пятьдесят лет их меню почти не изменилось, внутреннее убранство осталось прежним, как картинка (желто-золотые навесы, шахматные плитки пола), часы работы с самого утра и до позднего вечера, одинаковая униформа во всей сети. Название она получила в честь своего основателя, Лаки Маллиоса, американца греческого происхождения, который эмигрировал в Сидней после войны (Эмили так и не нашла объяснения его прозвищу, пока собирала информацию). У Америки ресторанички позаимствовали интерьер в стиле классической закуской-дайнера, новшества в духе музыкального автомата и кранов с газировкой, молочный коктейль и мороженое-санди; у Британии – типичные для забегаловки основные блюда; из послевоенной Греции – большую часть персонала. На пике славы сеть «У Лаки» насчитывала сорок девять ресторанчиков (которые также называли «кафе»), но к девяностым они вышли из моды. «Смертью франшизы», как намеревалась написать в статье Эмили, стала стрельба в 1994-м. Инцидент стал широко известен как «Третье апреля», когда боевик убил девять человек в сиднейском ресторане «У Лаки».

Лиам хотел опубликовать сюжет в ежегодном выпуске «Нью-Йоркера», посвященном еде, который запланировали на последнюю неделю мая. «Будет здорово, если получится взглянуть на стрельбу по-новому, – дал инструкции Лиам. – Я хочу знать, что случилось с выжившими. Сосредоточься на долгосрочных последствиях Третьего апреля». И добавил, что его пригласили выступить с докладом в Мельбурнском университете в феврале. Почему бы им не запланировать поездку в Австралию в одно время, чтобы он заскочил в Сидней ненадолго?

4

В тот день два повара попытались отбиться от стрелка Генри Мэтфилда, и он застрелил обоих насмерть. Посетители попрятались под столами, но Мэтфилд их нашел. В живых осталась одна женщина – официантка София. После случившегося она написала рассказ о подробностях бойни, который опубликовали в местной пригородной газете «Иннер-Вест Курьер». Управляющего и владельца Лаки Маллиоса на месте не было. Ему тогда стукнуло уже шестьдесят семь, и он редко работал полный день. Во время нападения он сидел дома и смотрел «Колесо фортуны». Эмили отметила, что данный факт упомянули одновременно в нескольких новостных сообщениях о Третьем апреля, словно эта деталь раскрывала о Лаки нечто важное.

Генри Мэтфилд был обнаружен через три дня: туристы наткнулись на его тело в национальном парке на южном побережье. Когда несколько недель спустя главный судмедэксперт штата признал смерть Мэтфилда самоубийством, Лаки Маллиос уже закрыл свое последнее кафе. Позже здание приобрела сеть аптек низких цен.

5

Лаки явно обрадовался, когда Эмили позвонила ему из Лондона. Он звучал воодушевленным, тронутым, даже будто испытал облегчение, и сказал, что будет ужасно рад помочь со статьей для «Нью-Йоркера».

«Большинству людей есть что скрывать, – заявил Лаки, – а мне уже нечего».

Готов наконец вывернуть душу наизнанку, как сам Лаки и выразился. Его чрезвычайно бурная речь отдавала средне-тихоокеанской смесью, которую Эмили еще никогда не слышала, – во что превратился американский акцент после пятидесяти лет в Австралии.

Найти Лаки было очень легко: номер обнаружился в электронном телефонном справочнике. Компания, купившая франшизу, – там же, на «желтых страницах». Эмили предполагала, что пара этих контактов выведет на остальных и она обретет сюжет, который хотела написать, поскольку даже самый тщательно продуманный питч был лишь хорошей догадкой о том, каким окажется конечный продукт. Она могла представить себе эту историю не яснее, чем нынче собственное будущее, гадая, где будет жить, останется ли одна до конца своих дней, станет ли черствой и жестокой, как люди, которых избегала. Оно и к лучшему, считала Эмили: размышлять о будущем – все равно что брести напрямик в зыбучую трясину.

После душа Эмили решила, что ей станет лучше, если она арендует машину и возьмется за дело.

– Ну что, встретимся с этим Лаки? – спросила она себя.

Завоюем его доверие? Притворимся, что Майкл не влюблен в какую-то Терезу? Теперь Эмили всем сердцем ненавидела это имя. А ведь раньше оно казалось хорошим, даже уютным.

– Какого хрена, Майкл? – громко произнесла Эмили. – Какого ж хрена?

Статья могла стать началом ее новой жизни. Заказ был своего рода благословением, вторым шансом, хорошей новостью в плохое время. Изабель со стойки регистрации арендовала для Эмили автомобиль, который доставили прямо к отелю на Виктория-стрит. Эмили позвонила Лаки и спросила, свободен ли он во второй половине дня для небольшого интервью.

«Приходите! – сказал он. – Со вчера ни с одной живой душой не говорил».

Проезжая по Кливленду, Эмили разглядывала округу, несмотря на ослепляющее солнце, и в одно мгновение ей казалось, что архитектура прекрасна, а в следующее – уже уродлива. Ряды домиков были выкрашены в цвет картонной коробки для яиц. Из каждой машины вопила радиостанция.

Лаки жил неподалеку от взлетной полосы, на длинной улице в пригороде Темпи. Припаркованные вокруг автомобили были цвета грязных кроссовок. С линий электропередач сорвались и полетели на север какаду. Посреди дороги сверкали крошечные осколки стекла. Эмили сидела в машине у дома Лаки, за несколько минут до назначенной встречи, и в одной руке держала мобильный телефон, а в другой – карточку, предлагавшую скидки на звонки в тридцать европейских и североамериканских стран. Эмили хотелось сообщить кому-нибудь, что она прибыла в Австралию, но в Нью-Йорке было два часа ночи – звонить Лиаму слишком рано. Они говорили на прошлой неделе, когда турагент забронировал для Эмили авиабилеты и отель.

«Все будет потрясающе, – сказал Лиам, а потом слегка скорректировал прогноз: – В смысле, предпосылки хороши. – Тут Эмили представила, как он втягивает щеки. – Не без риска, но в Сиднее тебе повезет что-то раскопать».

Лиам попросил Эмили рассмотреть Третье апреля в контексте истории массовых убийств с применением огнестрельного оружия, которая закончилась бойней в Порт-Артуре в 1996-м, после чего федеральное правительство ограничило владение оружием. Лиам сказал, что американских читателей интересует законодательство о контроле над оружием.

– Нас интригует стрельба, – пояснил он. – И, честно говоря, без этого элемента мы бы, может, даже и не загорелись статьей.

– Кто-то из твоих коллег сомневается по поводу заказа?

– Нет, нет. Я показывал вырезки твоих статей, народу понравилось. Хмыкали с одобрением.

– У тебя до сих пор есть вырезки, которые я присылала? Сто лет назад?

– Я их сохранил. Это странно?

Если в Нью-Йорке два часа ночи, то в Лондоне – семь утра. Эмили позвонила Майклу, потому что каким-то образом все еще была в него влюблена.

– Это я, – сказала она.

– Ты в Австралии?

– Не знаю, зачем звоню.

– Ты наверняка вымоталась. Такой долгий перелет!

– Где Тереза? У нас в квартире живет?

– Ее здесь нет.

– Ты явно считаешь себя хорошим лжецом.

– Я не лгу, Эм.

– Бла-бла-блядь-бла! – Эмили сбросила звонок, вышла из машины и зашагала по дорожке.

Шаги издавали отчетливый стук: нет, нет, нет, нет. Может, подумала Эмили, у Майкла случится нервный срыв, он перестанет появляться на работе, Тереза его бросит и он весь день будет строчить письма Эмили и общим друзьям и каяться. Ладно, а дальше-то что?

Лаки обитал в четырехэтажном многоквартирном доме с бетонными балконами. Окна смотрели голыми алюминиевыми рамами, словно тусклые глаза. Тесная парковка вместо просторного двора.

Эмили нажала кнопку звонка квартиры на первом этаже. Лаки открыл дверь. На нем была белая рубашка, заправленная в вельветовые брюки. Он носил длинные бакенбарды, а на голове была буйная копна серебристых кудрей.

– Вы в порядке? – спросил Лаки, увидев несчастное лицо Эмили. – Вино, кофе? Или приготовить вам покушать?

– Только и делала в самолете, что ела и пила.

За входной дверью был узкий коридор, и они прошли мимо спальни и ванной в полутемную кухню, где сильно пахло кофе. Эмили села за стол и скрестила лодыжки на узорчатом ковре – выцветшем красном поле концентрических кругов, которые, казалось, множились на глазах.

В буфете стояли серебряные креманки для санди, молочники, сахарницы – остатки франшизы, мерцающие, словно Святой Грааль их владельца. Краска кое-где вздулась, облупилась, но стены по большей части были увешаны рамками с фото старых ресторанов. Лаки искоса глянул на Эмили, будто она что-то сказала.

– Наверное, первым делом вам захочется понять, почему я живу в такой дыре, если был крупным франчайзером, да?

– Это не дыра.

– Как вы, наверное, знаете, я продал франшизу в семидесятых. Паршивая сделка, тут без вопросов. Заплатили гроши, отобрали бизнес, имя – оставили единственный ресторан, которым я управлял независимо. Остальные очутились в руках Сэма и Ширли. Звучит, как имена из песни в стиле кантри.

– Как парочка из ситкома.

– Продажа – худшее решение в моей жизни. Я был не слишком умен. В моменты слабости мы всё портим. И после бойни я паршиво распорядился финансами. – Лаки вздохнул и, словно на исповеди, продолжил: – Иногда не мог даже встать с постели. Начались проблемы с психикой.

Разговор выйдет непростым, поняла Эмили. Она еще вернется к несурзному объяснению, почему Лаки потерял франшизу, деньги, оказался здесь. Но сейчас Эмили собиралась рассказать ему свою историю. С одной стороны, это может установить доверие, близость. Но с другой, может заставить Лаки чувствовать себя неуютно.

В спальне у Эмили висела небольшая картина с изображением ресторанчика «У Лаки». Покойный отец скопировал его с открытки и подарил ей на седьмой день рождения. Майкл часто говорил, что яркие цвета картины напоминали ему расплавленный пластик.

Именно так Эмили с тех пор и представляла типичный «У Лаки» в австралийском провинциальном городке. Грунтовая дорога, алеющее вечернее небо, резвящиеся дети в зеленых школьных шапочках, вывеска синего цвета. Эмили держала картину в спальне, куда редко заглядывали гости, потому что не хотела никому объяснять ее историю. Не хотела никому говорить, что ее отец, Иэн Асквит, покончил с собой, когда ей было семь лет. Эмили носила фамилию отчима: Мэйн. Она не хотела вызывать вопросы об отце, потому что не знала всех ответов. Картина и, возможно, франшиза «У Лаки» имели для него значение, однако эту тайну он унес с собой, не раскрыв дочери.

По утрам, когда Эмили собиралась на работу, она могла не обращать внимания на картину. Но временами она смотрела на нее и мысленно возвращалась в последний день с отцом осенью 1971-го. Иногда Эмили пыталась сказать себе, семилетней девочке: «Он проживет недолго. Обними его, возьми за руку, сделай так, чтобы ему стало лучше, и тогда он не покончит с собой. Радуйся рядом с ним – или хотя бы притворяйся. Вдруг сумеешь его переубедить».

Как объяснить картину Лаки, когда она прячет ее ото всех и сама не способна ее понять? Но, наверное, если кому-то и рассказать, то ему. Может, Лаки воспримет все как есть: изображение здания на стене дома Эмили не призраки прошлого. Это наследие Лаки, а не отца. Может, Лаки преобразит картину, сведет на нет ее могущество.

– В некотором смысле я уже давно думаю о «У Лаки», – начала Эмили. – У меня дома висит картина с изображением вашего ресторана.

– Да вы что! Тоже надо такую заиметь. У меня, как видите, одни фотографии.

– Ее написал мой отец. Подарил мне картину незадолго до смерти.

– Как звали вашего отца?

– Иэн Асквит.

– Не встречал никого с таким именем.

Эмили буквально видела ложь, она светила прямо в его глазах. Ладно врать о чем-то еще, но про ее отца-то зачем? Эмили полезла в сумку. В маленьком кармашке лежала фотография Асквита, которая кочевала из одной сумки в другую. Прошли годы с тех пор, как Эмили показывала отца кому-либо.

– Да, определенно одно лицо, – отозвался Лаки. – Приятно видеть сходство между родителем и ребенком.

– Мне нужно было спросить, знали ли вы его, – произнесла Эмили с излишним нажимом и сглотнула ком.

– Увы, не знал, но рад, что вы здесь, – сказал Лаки. – Итак, бойня... уверен, вы захотите рассказать о ней в статье. Ужасное событие, само собой. Трагедия для моей франшизы. Но вся правда, весь размах этой истории во многих отношениях сложились счастливо, и надеюсь, вы это понимаете. Видите ли, мы нужны друг другу. Вам необходимо написать статью, а мне – рассказать абсолютно правдивую, взвешенную и всеобъемлющую историю франшизы. Последнее слово в престижном журнале.

– Я не собираюсь писать панегирик.

– Для панегирика еще слишком рано! Я намерен возродить франшизу. Подарить ей достойный финал.

– И как вы собираетесь это сделать?

– Скоро объясню. Сперва должен проработать несколько деталей. Но сегодня не могу беседовать долго... следовало упомянуть об этом по телефону. А пока вот вам сувенир.

И, запустив руку в льняную сумку на кухонном столе, Лаки вручил Эмили свернутую футболку. Эмили приняла ее и прочитала напечатанный в греческом стиле слоган: «ЛАКИ ДЛЯ ВАС».

1945

1

Лаки Маллиос притворялся другим человеком. Бледный и гладко выбритый, с пробором на другую сторону, он сидел в чужой одежде в военном джипе, плавно выезжавшем с Рейлвей-сквер. На заднем сиденье рядом с Лаки лежал самый важный реквизит – кларнет. На переднем пассажирском расположился его сообщник Грегор, а за рулем был резервный водитель ВМС США, приятный парень, который попросил у Лаки и Грегора сигаретку, а потом предложил их подвезти.

Круглолицый Лаки носил очки и не соответствовал тому, что журнал «Янк Даун Андер» называл идеальным соотношением роста и веса. Люди говорили, что он похож на музыканта из биг-бэнда, Бенни Гудмена.

Когда автомобиль набрал скорость, водитель передал листок бумаги, и Лаки дрожащей рукой вывел поддельный автограф. Он всегда носил в кармане рубашки простой карандаш.

– Приятно видеть в нашем городе настоящего гения, мистер Гудмен, – произнес водитель.

– Спасибо, – отозвался Лаки, нервно кашлянув. – Я впервые в Сиднее.

Мошенник Лаки и его сообщник Грегор были в двухнедельной увольнительной с базы ВВС в Бэнкстауне, где восемь месяцев трудились на малоквалифицированных, зато безопасных местах. Маллиос – буфетчик в столовой, двадцать один год, холост. Солдаты любили называть его Бенни. Это, по их мнению, должно было его задевать. В качестве шутки они приглашали Бенни сыграть в казармах или в танцевальном зале для местных. Лаки обычно пожимал плечами и говорил, что не способен выдать ни единой нотки. А иногда подыгрывал и заверял, что обязательно выступит через денек, и солдаты смеялись над никчемным буфетчиком.

Остальным работникам кухни Лаки говорил, что если он и вправду похож на Бенни Гудмена, то ему надоело постоянно об этом слышать. И еще он поделился с приятелем Грегором, что раньше играл на кларнете и даже на трубе в биг-бэнде при поддержке профсоюза в Чикаго. Там он получил свое прозвище, потому что, по словам коллег, ему повезло вообще получить эту работу. Через несколько месяцев его выгнали. Жестоко, заметил Грегор. Музыкальная сцена – место недоброе, пояснил Лаки. Он сменил несколько ансамблей, и прозвище закрепилось, но никак не мог влиться в компанию других музыкантов, которые казались ему либо скотами, либо гордецами. Все они будто считали себя более талантливыми, чем Лаки. А он тем не менее крепко верил в себя: он знал, что достаточно хорош для оркестра Гленна Миллера, например. Такая вера сглаживала его разочарования в сфере музыки.

В ВВС он представился как Лаки, утверждая, что прозвище получил благодаря удаче в покере; рассчитывал обратить унижение против обидчиков, подшутить над всеми этими придурками. На базе в Сиднее он мог бы ответить на издевательские предложения солдат настоящим выступлением, сыграть для этих самодовольных пилотов, но прикидывал, что пользы такая сцена принесет мало: просто станет откровенным проявлением загнанного в угол негодования.

Однажды вечером, когда они сожгли обескураживающее количество объедков после ужина, Лаки допоздна засиделся с Грегором на кухне. Они пили черный кофе в полумраке, и там Грегор изложил грандиозную идею: в феврале они пойдут в увольнительную и отправятся по нескольким восточным городам Австралии. Якобы тур от Объединенных организаций обслуживания вооруженных сил, сольные мероприятия, поэтому и огласка скромная. Лаки

изобразит Бенни Гудмена, Грегор – его менеджера, и никто никогда не узнает их истинные личности.

По крайней мере, Грегора – который умрет в двадцать шесть, разбираясь только в кулинарии, – не нужно было убеждать в творческих способностях Лаки. Какое-то время Грегор считал, что приготовление пищи и создание музыки – смежные области, и надеялся когда-нибудь проверить их связь на фортепиано или струнном инструменте. С уверенным взглядом и ровным голосом Грегор описывал свой план так, будто он идеален, будто Лаки легко согласится. Им не нравилась такая жизнь. Им было скучно работать в столовой. Что-то нужно менять.

– Худший расклад – нас поймают военная полиция, бросит в тюрьму ненадолго, а потом отдаст под трибунал. Но знаешь что? Этого не случится.

– Ужасный расклад.

– А мы очень осторожно, – продолжил Грегор. – Нам только нужно достать хороший кларнет. В Сиднее это будет чертовски сложно.

– Насколько хорошо ты знаешь город?

– По слухам.

– И что слышно?

– Город не то чтобы богат медью.

– То есть древесиной.

– Древесиной, да, конечно, – согласился Грегор. – Значит согласен? Провернешь со мной это дельце?

Лаки оглядел кухню, оценивая чистоту и порядок, которые они с Грегором навели.

– Не знаю, – произнес он. – Это же людей обманывать.

– Да к черту людей, – отмахнулся Грегор. – Головой пусть думают.

– Я не хочу в тюрьму.

– Посмотри, где мы работаем. На это дерьмо. Парни, которых мы обслуживаем, даже толком имен наших не знают. Ты что тут делаешь? Время убиваешь?

– Ничего не убиваю. Остаюсь в живых.

– Разве ты не хочешь от жизни большего? Побывать другим, не посмешищем?

Лаки пошел в ВВС, потому что его старший брат, Джон Грозный, поступил в пехоту. Их детство долго протекало в безжалостной гонке – кто станет первым в школе, в играх, в приобретении друзей, завоевании похвалы, внушении страха. Джон (урожденный Яннис) был главным садистом среди мальчишек в Гриктауне – даже, наверное, самым злым ребенком во всем Чикаго. У него была привычка после победы в драке удержать противника и порезать ему ноги или руки маленьким ножом для овощей, потому что так оканчивали дуэли на Эптанисе, семи западных островах. По крайней мере, он слышал это от стариков, которые работали с отцом в закусочной «Марафон».

Однако родители не желали слышать ни слова против Джона, они отказывались принимать или признавать, что он изводил более слабых мальчишек и во время братских разногласий хватал Лаки за гениталии, угрожая их отрезать. Родители видели только первенца, который был красив, уверенно разговаривал, верил в Бога. Джон Грозный считал, что однажды разбогатеет и родители получат долю. Лаки оставалось лишь наблюдать, как они восхваляли Джона. Родители говорили с Джоном по-гречески, а с Лаки – по-английски.

Младший Маллиос знал, что он лучше своего жестокого брата, но ему нужно было это доказать, завербоваться в армию, не дать брату уйти от ответа. Лаки не мог оставаться дома в Гриктауне, играть и получать отказы в джаз-бэндах, пока Джон сражался в 25-м пехотном полку на островах Нью-Джорджия. ВВС назначили Лаки дежурить в столовой.

– Конечно, я хочу, чтобы меня ценили, – сказал он Грегору.

– Тебе есть что доказать, ты это чувствуешь, – проговорил тот. – Ты хочешь приключений, а не этой тягомотины целый день. Да, хорошо, ты не герой, как брат. Не все созданы для битв. Ты музыкант, в глубине души ты романтик. Так и веди себя как романтик.

– Полезно, когда что-то сходит с рук, да?

– Дело в том, что ты и правда похож на Бенни Гудмена. Ты не смахиваешь на грека. Не особо, во всяком случае.

На том и порешили. Лаки собирался доказать, что, несмотря на прозвище и судьбу, он настоящий музыкант. Он мог играть как знаменитость – вполне мог *быть* знаменитостью. Рискованная игра в Бенни Гудмена доказала бы его неоспоримую ценность как людям, так и самому себе.

Грегор купил кларнет за три фунта и десять американских долларов у Мейв Дойл, своей в некотором роде подруги, чей жених погиб во Франции в прошлом году. Грегор познакомился с ней в отеле в Кентербери, где она работала, но Мейв сразу же в дружелюбной форме сообщила, что не желает романтических отношений. Грегор трудился в столовой ВВС и был ей полезен для регулярной торговли. Он приносил Мейв нормированные товары, например нейлоновые чулки и спагетти, печенье и бекон, спички, которые не ломались, туалетное мыло и зубной порошок, консервированную ветчину и сельдь, даже один будильник, самый дефицитный из предметов. Взамен Мейв давала свежие соусы, конфеты, выпечку. Находила для Грегора книги – вестерны и триллеры, выбранные просто из-за нелепости имени автора.

Грегор вышел встречать Мейв у терминала аэропорта Бэнкстауна. Кларнет лежал у нее в чемодане, прикрытый зеленым бархатным шарфом.

– Расскажешь, зачем тебе эта штука? – поинтересовалась Мейв.

– Еслиохранишь в тайне.

– Никому ни слова, друг.

– Мой приятель выдаст себя за известного музыканта на гастролях.

– Смелый план!

– Все прекрасно продумано и пройдет гладко. Заглядывай на концерт.

– Желаю вам успеха.

Лаки и Грегор подали заявление об отпуске – его одобрили. Всю следующую неделю после ужина Лаки уходил из казарменной общаги в складское помещение, во дворе контролируемое злобной псиной, которая недавно растерзала голодного пилота. А вот Лаки она обожала, потому что он никогда не забывал принести ей покусать. На складе он отрабатывал аранжировки Roll 'Em и Swing into Spring. Недавно приобретенный сборник нот, «Соло Бенни Гудмена для кларнета» 1938-го, был плохо переплетен: Лаки просто открывал его наугад, а потом исполнял, что попало на глаза. Днем, если в голову приходила музыкальная идея, Лаки бросал все, отправлялся на склад и несколько минут играл. Тем временем Мейв раздобыла кое-какую униформу. Она предполагала, что хаки британской армии могли сойти за наряд Объединенных организаций обслуживания вооруженных сил.

2

Для первого серьезного акта мошенничества Лаки и Грегор сели на поезд до Центрального вокзала и там уже в образе подошли к джипу, в котором под жарким солнышком сидел водитель. Грегор представил Бенни Гудмена и попросил их подвести. Водитель ответил, мол, разумеется, буду очень польщен.

Воодушевленный, он управлял джипом одной рукой, а другой хвастался знанием Сиднея, а перед глазами нервного Лаки проносились восточные пригороды (ряды домиков, церкви),

пока господу туристы не достигли места назначения – общественного зала. Водитель напомнил Лаки киношного злодея, правда, непонятно, из какого фильма.

– Странно, – заметил водитель, останавливая машину, – пару улиц за нами ехала военная полиция.

– А сейчас они где? – спросил Лаки.

– Не вижу. Может, это вас охраняют?

– Да, – кивнул Грегор, – именно.

Уже на тротуаре Лаки сказал:

– Кажется, он что-то понял.

– Да ни черта он не понял, – отмахнулся Грегор. – Не трясись, прорвемся.

Несколькими неделями ранее он разослал двадцать почти идентичных писем в отели и правительственные учреждения двух крупнейших городов Австралии, предлагая им короткий концерт. Но никаких военных клубов и музыкальных заведений, где их легко бы раскрыли. В Австралии размещен миллион американцев (Лаки вычитал цифру в сиднейском ежедневном таблоиде). Миллион человек в форме (ну, может, немного меньше), и Лаки с Грегором боялись каждого из-за их познаний в популярной музыке. В своих письмах на бланках ВВС США Грегор ясно давал понять, что концерты предназначены исключительно для гражданских: «небольшая благодарность за гостеприимство».

Они получили пять заявок на концерт и разработали маршрут: сперва Сидней, затем Мельбурн. Самозванцы намеревались добраться до штата Виктория и обратно поездами, если не выйдет пробраться на военные авиарейсы. А Грегор очень серьезно на них нацелился. Удручающая картина в виде неприглядной местности и хлипкие перроны – не то, с чем будешь мириться, если ты великий музыкант.

Слева от общественного зала расположилось похоронное бюро. Справа, за пустырем, стоял кирпичный дом в окружении кипарисов. Лаки сжимал фуляр с кларнетом обеими руками, раздумывая, какую мелодию сыграть первой. Дыши диафрагмой, надувай живот.

Из зала вышли двое мужчин в форме и помахали Грегору с Лаки.

– Знаешь этих парней? – поинтересовался Грегор.

– Давай уйдем.

– Они уже нас видели, мы с ними поговорим. Ты Бенни, а я твой менеджер. Все будет нормально.

На лицах мужчин застыло выражение, которое Лаки казалось пугающим, даже в некотором роде комичным. Один военный полицейский был высоким, широкоплечим с редящими черными волосами.

Заговорил второй с большими ушами:

– Можно ваш автограф, мистер Гудмен?

– Без проблем, – ответил Лаки.

– Отменная шуточка, – произнес ушастый.

– Что вы имеете в виду? – уточнил Лаки, отрывая взгляд от клочка бумаги, на котором успел напорточить. Фальшивая подпись вышла совершенно неестественной.

– Мы услышали об этом вашем концертике сегодня. Никакой ты не Бенни Гудмен.

– Еще какой!

– А я Гэри Купер. А он Уоллес Бири. Забавно, каким дерьмом в итоге занимаются люди на войне.

– Бенни вам сказал, кто он, ясно? – вступил в разговор Грегор. – А теперь нам пора. У нас встреча.

– Мы точно знаем, что ты не Бенни Гудмен, – возразил здоровяк.

– Откуда? – спросил Лаки. – Сугубо из любопытства.

– Потому что мы военная полиция. Каждую неделю из Сиднея уезжает плюс-минус тысяча американцев, и почти никто не приезжает. Появись тут личность масштаба Бенни Гудмена – мы бы знали.

– И ты на него вообще не похож, – добавил ушастый.

– А вот и похож! – возмутился Грегор.

– Малец, я знаю, как выглядит Бенни Гудмен. Он звезда.

– Нам пора, – сказал Лаки. – Я кое-куда опаздываю.

– Никуда ты не опаздываешь.

– Да ладно, мы все здесь американцы, хорошие люди, – произнес Грегор.

– Во, точно, да, теперь я передумал.

– Я вам скажу, что сейчас будет, – снова заговорил второй полицейский. – Мы вчетвером пойдем к нашей машине и прокатимся.

– Исключено, – отрезал Лаки. – Мы никуда не пойдем.

Лаки неподвижно сидел в седане, не желая спрашивать, как их поймали или что будет дальше. На случай, если расспросы повлекут за собой ответы, которые он не хотел услышать. Или если двое незнакомцев еще не решили, как поступить с самозванным Бенни Гудменом, и захотят прибегнуть к жестокому уставу. Лаки молчал. Он все еще пребывал где-то между поимкой и наказанием, когда отсрочка виделась очевидным и лучшим решением для всех. Тогда он все-таки сможет изобразить Бенни Гудмена. Эти якобы полицейские не могли понять, что крылось за обманом; не злой умысел, не глупый розыгрыш – в нем был особый смысл.

По пути Лаки впитывал как можно больше деталей: лицо в витрине магазина, ткань, запутавшаяся в ветвях тополя. Все они казались странно далекими, словно насмехались над его незавидным положением. Грифельно-серое утро давило на растущие вдоль бульвара деревья. Военные полицейские поинтересовались, как Лаки вообще хватило наглости выдать себя за Бенни Гудмена. Гудмен – известный человек!

Они остановились на короткой улочке. Военный полицейский на заднем сиденье, чуть более агрессивный из двоих, достал револьвер и вышел из машины. Он отличался малым ростом, но большими ушами и красным цветом лица. Лаки позже назовет его Фрэнк, поскольку настоящее имя тот так и не назвал. Второй был минотавром с квадратным лбом, и парочке пленников он станет известен как Гарри. Им приказали идти к порогу двухэтажного здания за деревянным забором, покрытым лишайником, словно проказой. Гарри помог Лаки сдвинуться с места, услужливо пихнув его в спину, потом открыл входную дверь и провел самозванцев по длинному коридору в тесную комнату, где их запер.

Лаки и Грегор тихонько выругались. Они исследовали помещение короткими осторожными шагами, шаркая ботинками по грязному бетонному полу. Одна койка, унылый унитаз, плафон на стене. Из-под тяжелой двери пробивалась золотистая полоска света.

– Дело плохо, – заключил Грегор. – Но разве это камера?

– Думаю, это именно что камера.

Грегор уселся, заняв кровать.

– А ведь прямо сейчас ты должен играть концерт!

Лаки встал в углу под вентиляционным отверстием – решеткой в кирпичной кладке, сквозь которую откуда-то снаружи доносился игривый женский смех.

– Боишься? – спросил Грегор.

– Конечно, боюсь.

– А я нет, как ни странно.

– Это потому что ты неумный.

Лаки не до конца понимал, насколько сложным и непродуманным окажется мошенничество с Объединенной организацией обслуживания военных сил, насколько неподходящим

напарником был Грегор, и осознал все это лишь в полумраке их камеры. Затем его посетила следующая идея: обжаловать задержание. Карандашом, которым раздавал автографы Бенни Гудмена, Лаки набросал прошение на единственном листке бумаги, который он вырвал несколько дней назад из кухонного блокнота, чтобы записать список песен для выступления.

Господа, мы считаем, что произошло большое недоразумение и наше удержание здесь незаконно. Думаю, мы сумеем договориться, в чем бы ни заключалась проблема, как только нас освободят. Надеемся, это произойдет в ближайшее время.

С уважением,

Лаки.

Он подсунул записку под дверь и провел ночь без сна. Грегор проспал добрых восемь часов. Для Лаки эта ночь в некотором смысле вобрала в себя многое: ярость, сожаление, замешательство, страх, клятвенные обещания кое-как изменить жизнь (например, отказаться от детских иллюзий в отношении музыки). Но Лаки хорошо знал эти чувства. И понимал, что они скоро пройдут. А вот заключение в камере – вряд ли. Лаки и Грегор провели в своей импровизированной тюрьме шесть ночей.

1913–1939

1

Кафе «Ахиллион» сыграло в истории франшизы Лаки роль предшественника: это был не просто его прототип, с которым он начал работать, а родной дом, который он выправил. Новая сеть воспроизвела архитектуру «Ахиллиона» и его цвета, столовые приборы, витрины, овальные тарелки и меню. Даже сама идея франшизы возникла не у Лаки. Эта мечта – о множестве «Ахиллионов» – изначально принадлежала Ахиллу Аспройеракасу, судьба которого заслуживает рассказа. Завсегдатаи именовали его Безумным Ахиллом, но не в лицо, не в пределах слышимости. Для некоторых клиентов Ахилл был страшилкой для детей, заместителем дьявола в пригороде Сиднея под названием Бардвелл-парк. Родители говорили непослушным детям, что если они не прекратят плохо себя вести, то их отправят в кафе, где Безумный Ахилл накажет их, как в мифах и сказках.

Ахилл покинул остров Итака в шестнадцать лет с янтарными четками отца в кармане. Его дядя, сиднейский торговец рыбой, предложил поручиться за мальчишку, если тот совет миграционной службе о своем возрасте. Отец Ахилла объяснил, что это предложение равносильно кабале, что первые месяцы в Сиднее придется тяжело. Он был рыбаком и с каждым месяцем уходил все дальше и дальше в Ионическое море: в лодке он говорил на ломаном итальянском, пытаясь обмануть рыбу, заставить ее думать, что он плохо разбирается в своем ремесле. «Море хранит в себе тайны, – говорил отец. – Гораздо лучше торговать рыбой, чем ее ловить». Мать Ахилла, которая придерживалась того же мнения, сказала сыну, что он должен остаться холостым, выплатить долг дяде, преуспеть в Сиднее и вернуться домой, спасти родителей от нищей жизни.

Когда двенадцать лет спустя Ахилл вернулся на Итаку вторым классом, он обзавелся плешью на макушке, как у отца. Свой камвольный костюм Ахилл купил на деньги от рубки тростника на сахарных плантациях на юге Квинсленда, где работал после увольнения из рыботорговцев, – устал от невзначай гонявших его в хвост и гриву жестоких кровных родичей. А самое главное, он привез большое кольцо с опалом, которое, как он думал, произведет впечатление – на кого-то, кто не поймет или не озаботится, насколько он пуст внутри.

У Ахилла было два желания: занять жену и деньги на строительство кафе. Он не потрудился привезти семье подарки. Только смотрел на открытки в газетном киоске на набережной в Сиднее, прикидывая, во сколько это обойдется, а потом передумал. Кто-нибудь с Итаки присылал ему открытки? Хоть кто-нибудь откуда-нибудь? К тому времени родители уже давно не надеялись, что Ахилл будет их кормильцем в старости. Он сам давно не писал родителям, и они думали, что с ним нет связи, что он скитается с места на место. Иногда они боялись, что его уже нет в живых.

Если Вати, их деревня, и изменилась, то Ахилл этого не заметил. Ему было плевать. Родительский дом представлял собой квадратную постройку с белеными стенами, скатной крышей и желтой дверью, которая выходила на гору Нерит.

Ахилл сел и сказал матери с отцом то, что давно вертелось на языке: он был слишком юн, когда они его отослали. Ему хотелось, чтобы им стало неудобно, чтобы на их лицах отразилась вина; зарыдай они – и Ахилл поблагодарил бы Бога за такое зрелище. Родители не проронили ни слезинки.

Сидя за их обеденным столом с фетровой шляпой на колене, Ахилл даже не пытался скрыть недовольство всем вокруг (стол шатался, кофе был недостаточно сладким), и матери пришло в голову, что сын, видимо, злился на них изо дня в день, из года в год – все то время, что они проводили в разной степени беспокойства и сожаления о нем. И вот итог. Они втроем едва ли могли общаться друг с другом. Для Ахилла дождь, обрушившийся на деревню, темное осуждающее небо отражали его чувства и оказывали своего рода поддержку.

– Вам должно быть стыдно за то, что вы меня отослали, – сказал Ахилл.

– Знай мы, что ты будешь столь несчастен, мы бы так не поступили, – ответила мать. – Но теперь ты здесь. Почему бы тебе не устроить жизнь на Итаке или даже на Кефалонии?

– Уже слишком поздно.

К этому времени Ахилл приобрел раздраженный, резкий тон – характерную черту на всю оставшуюся жизнь. Ахиллу быстро организовали брак с Элефтерией, творчески настроенной дочерью деревенского портного, и они обвенчались 22 августа в часовне Спаса Преображения в Вати. Ее приданное и его сбережения позволяли им открыть собственное кафе в Сиднее. Ахилл уже выбрал место.

На участке земли, принадлежавшем Ахиллу в Бардвелл-парк, можно было построить кафе, примыкающий к нему дом и разбить большой сад с оливами, инжиром, апельсинами и лимонами. А самое главное – Ахилл планировал выращивать виноградную лозу, в тени которой мог бы однажды сидеть удовлетворенный, больше не гонимый амбициями и гневом.

Кафе возвели за шесть недель.

– Что означает твоя фамилия? – спросил каменщик по имени Том.

– Аспройеракас – это белый ястреб.

– Так назовись Уайт или Хоук, – заявил Том, словно решил за Ахилла проблему, над которой они ломали голову неделями.

Он не собирался менять фамилию. Не все греки в то время верили в необходимость сокращения или англизации. Ахилл последовал примеру Калокериноса, Пападаматиса, Морфоулоса, Варварессос. А что касается имени, так он уже переделал его из «Ахиллеас» в «Ахилл»: он считал, что столь буквальная аллюзия поможет его стремлениям. Герой «Илиады» бескомпромиссен, уникален, он никому не служил, и такого нельзя было обмануть.

Ахилл – который носил греко-австралийскую униформу сферы услуг, состоящую из серых шорт, белой рубашки и длинных белых носков – любил рассказывать Элефтерии о своем твердом намерении никогда больше не работать на других, мол, он скорее убьет человека, чем станет его подчиненным. Он учил жену английскому и пропускал мимо ушей большинство ее попыток общаться на греческом. Когда она дразнила мужа или насмеялась над ним на их родном языке, Ахилл отвечал по-английски; он не допускал ни единого слова по-гречески в кафе и говорил, что использовать иностранный язык в присутствии клиентов грубо и плохо сказывается на бизнесе.

Как новоиспеченный муж Ахилл был склонен сознательно закрывать глаза на эмоциональное состояние супруги. Он не хотел слышать, что Элефтерия скучает по Итаке, не задавал ей вопросов о ее прошлом, не желал тратить время на все, что может всколыхнуть и вытолкнуть наружу ее тоску. Для него жена оставалась безграничностью потаенных чувств.

Элефтерия перестала говорить по-гречески, но не забросила творческие начинания. В свободные минуты, украденные у кафе, по причинам, которые Ахилл не мог понять, она делала наброски самых, по его мнению, непримечательных предметов, недостойных изображения, едва заслуживающих внимания: полки, коробки с порошками, стопки алюминиевых пепельниц, часы, банки смальца. И в то же время – ни единого наброска двух дочерей. Ахилл

беспокоился, что в этих рисунках каким-то образом зашифрована непостижимая внутренняя жизнь Элефтерии, и каждая источает отвращение.

– Зачем ты рисуешь? – спросил однажды Ахилл.

– Не знаю, – сказала Элефтерия.

И оставила стопку своих натюрмортов на прикроватном столике в их спальне.

– Что будешь делать со всеми этими картинками? – интересовался Ахилл.

– Ничего, – отвечала жена. – Я должна их рисовать, я должна их куда-то складывать.

Когда Элефтерия чувствовала себя особенно несчастной, она рвала и выбрасывала свои наброски. А на следующей неделе снова принималась рисовать: те же предметы, вещи, которые торчали в ее видимом мире, словно айсберги. Им еще только предстояло притереться, мистеру и миссис Аспройеракас. Может, однажды они озарят жизнь друг друга – именно так Ахилл думал о своем браке, как о холодном материале, который постепенно растает и примет лучшую форму. Но Элефтерия умерла раньше, чем это могло произойти.

В 1938-м, доживая последние дни в отдельной палате сиднейского госпиталя принца Альфреда, пока рак разъедал ей кишечник, легкие и печень, Элефтерия постоянно возвращалась мыслями к проблеме своего брака.

– Почему родители заставили меня выйти за этого человека? – спросила она медсестру.

– Не знаю, – ответила та. – Договорные браки здесь не в обычае.

Когда их постигла тяжелая утрата, обе дочери Элефтерии, Валия и Пенелопа, были еще детьми. Банальное представление о том, что каждый скорбит по-своему, оказалось верно и для семьи Аспройеракас, но у всех осталась дилемма: никто не мог сказать, что знал жену Ахилла по-настоящему.

2

Тридцать девятый год. Валия и Пенни, двенадцати и десяти лет от роду, забрались на железную крышу кафе «Ахиллион» в самый разгар жары. Измерительный прибор на летней площадке показывал тридцать восемь градусов по Цельсию. Ахилл был внутри, за плитой, наблюдал, как поджаривается бекон. В кафе сидели посетители, и потому девочки старались шагать как можно осторожнее. Они встали посреди скатной крыши, которая напоминала Валии древние корабли с картинок. На гофрированное железо посыпались камни – наверное, дело рук англо-кельтских мальчишек пригорода.

Сестры сняли обувь и встали друг напротив друга, разместив босые ноги по обе стороны гребня крыши. Валия и Пенни хотели проверить, кто сможет дольше простоять на раскаленном железе. Та, что дольше вытерпит жжение, и победит в игре, в испытании болевого порога.

– Что с нами будет без матери? – вслух спросила Валия.

– Не знаю! Ногам уже больно! – отозвалась Пенелопа.

А потом случилось то, что всегда и происходит: победила Валия. Пенни первая уселась на крышу, издавая звуки «ай-ай-ай», и сунула ноги в туфли.

– Не шуми так, – одернула ее старшая сестра, – там внутри гости.

Валия наслаждалась видом растущих вдалеке жакаранд: она узнала, каково это – укрощать собственное своенравие.

3

В тот год, когда разразилась война, Ахилл рассказал дочерям, что отстоял очередь, как другие мужчины – как другие отцы, он хотел исполнить долг, – но в армии не нашлось форменной рубашки на его широкую грудь, и глупые вояки отказались его вербовать.

– Вот и все, – заключил Ахилл. – Я не создан для войны.

Ночью сестры собрались в комнате Валии, чтобы обсудить отца. Старшая полагала, что он плохо продумал историю про вербовочный пункт. Она сказала Пенелопе, что вдовцам не разрешают служить, и даже если бы их мать была жива, отец не оставил бы бизнес. Ахилл не бросил бы дочерей, потому что считал их своим достоянием. Он верил, что женщины принадлежат мужчинам, что семья – собственность, которая приобретается посредством сделки. Их любимая мать принесла приданое.

Пенелопа не согласилась: она подозревала, что отец говорил правду и действительно пытался завербоваться. Возможно, ему хотелось сражаться, причинять людям боль.

Для Ахилла не имело значения, поверили ему дочери или нет. Он солгал, чтобы сохранить лицо, и этого было достаточно.

~

Ахилл выступал против популярного мнения, что все принадлежащие грекам кафе Австралии сделаны под копирунку: одинаковый архитектурный дизайн, одни и те же блюда в меню по сходным ценам, подача на огромных овальных тарелках. Однако он так и не убедил себя в том, что его собственное заведение оригинально. Бывали времена, когда Ахилл смотрел на большую вывеску над кухонной дверью —

НАШ ДЕВИЗ: ЧИСТОТА И УЧТИВОСТЬ —

и вспоминал, что идентичный девиз висел в нескольких кафе семьи Экономос в Сиднее и семьи Коутсакис (которая была в долгу перед Ахиллом) в Мельбурне. Они повторяли друг друга, зарождая новую традицию. Но все же Ахилл кое-чем отличался: например, так хорошо, как он, не готовил никто. И он планировал огромную сеть кафе – франшизу, где все точки будут называться «Ахиллион». Во-первых, накопление прибыли от кафе в Бардвелле. Во-вторых, кредит для дочернего бизнеса. И, наконец, большой успех и множество точек по всей стране.

На главной улице кафе «Ахиллион» соседствовало со слабо освещенной аптекой – сплошные ящики и шкафы, ни одной открытой полки, – которой владела католическая семья, питавшая неприятие к средствам контрацепции. Подобные вещицы можно было легко и тайно приобрести у Ахилла в кафе, если только обратиться напрямую к нему, а не к его старшей дочери. Особые посетители заглядывали и забирали большие бумажные пакеты с презервативами «Данлоп», и Ахилла приводило в смятение, что многие из этих мужчин были явно иностранными. Даже сумасшедшие ублюдки много занимались сексом.

Участок с другой стороны кафе пустовал, становясь прибежищем ползучих насекомых и бурых сорняков, которые, в свою очередь, так и манили улетевшие газеты, брошенные окурки и собак на выгуле. Такой предпринимательский вакуум потрясал Ахилла до глубины души, но он редко выходил на улицу и мог неделями не вспоминать про это бельмо. Вход в кафе «Ахиллион» очерчивал границей то, что можно назвать миром Ахилла, за пределами которого он чувствовал себя уязвимым, чуждым.

Чтобы попасть в кафе, нужно было пройти высокие барные двери на пороге из террасо. По обе стороны от них над окнами, как брови, нависали маленькие козырьки. Обе витрины были устланы цветной папиросной бумагой: левую отвели под фрукты и овощи (во времена продовольственных пайков – одни бобовые), правую – под табачные изделия и мелочи для ухода за собой, в основном крема и щетки. В кафе, как Ахилл хвастался посетителям, самый большой выбор расчесок в пригородах Сиднея, вне конкуренции. За витринами следила Валия, и Ахилл ценил это по достоинству. Пол кафе, выложенный кремовой плиткой по коричневому раствору безумной мозаикой, подавался как кубистический дизайн, очень модный в Европе. Во всем южном полушарии было не найти даже отдаленно похожего узора. Но к такому полу привыкаешь.

Вдоль одной стены стояли семь столов с диванчиками, рассчитанные на пятерых взрослых за каждым, а вдоль другой тянулась длинная стойка, за которой властвовала Валя.

За кухней был центральный коридор без окон, что заканчивался гостиной с выходом на веранду. Остальные двери коридора вели в три спальни: Пенни, Валии, Ахилла, но он уже много лет там не ночевал. С тех пор, как умерла Элефтерия, Ахилл предпочитал отдыхать на задней веранде, которую завесил жалюзи и парусиновыми занавесками. А в бывшей спальне хранились хлеб и сигареты – то, что портится или может быть украдено, если их держать снаружи или за прилавком. Во дворе был сарай для бакалеи, разросшаяся олива, огород с редиской и зеленью, заросли виноградной лозы, лимонные деревья, и посреди всего этого торчал пенёк банксии (местное дерево Ахиллу казалось уродливым и мешало, а вот пенёк он считал эстетически привлекательным; а еще ему нравилось наблюдать физические доказательства собственной власти). Во время ливней из-под сухого обрубка в дом и кафе перебирались пауки-охотники. Свободные минуты Ахилл боролся с вредителями, опасаясь, что кафе наводнят насекомые и с его семьей случится нечто ужасное.

2002

1

В первый день Эмили в Сиднее Лаки не рассказал ей ни про аферу с Бенни Гудменом, ни про кафе «Ахиллион», ни про то, где взял средства на запуск франшизы, ни о том, как найдет их на открытие нового ресторана. Интервью было очень коротким. Лаки пообещал побеседовать более подробно в следующий раз. Он проводил Эмили до ее арендованного автомобиля, и та намеренно давала всякой паузе повиснуть в надежде, что Лаки почувствует себя обязанным что-нибудь произнести, поделиться информацией. Так и произошло; повысив голос, чтобы перекричать гул самолета над головой, Лаки посоветовал обратиться к детективу Питеру Попеску, который присутствовал на месте происшествия в кафе Третьего апреля. Попеску был из тех копов, которые любят высказывать свое мнение, хоть уже и оставил службу в полиции. Теперь он работал в компании по продаже медицинских принадлежностей клиникам и больницам. Несколько месяцев назад бывший детектив ни с того ни с сего позвонил Лаки и выжившей в бойне Софии Кутс, чтобы узнать, как у них дела спустя столько лет.

– Я все еще поддерживаю связь с Софией, – добавил Лаки. – Она дочь Валии, моей бывшей жены, от второго брака. Не стану говорить, мол, она мне как дочь, потому что звучит избито, но мне нравится София и ее ребенок. Редко их вижу. Все мы заняты, думаю.

– У вас есть свои дети? – спросила Эмили.

– Вообще никакой семьи, – широко улыбнулся Лаки, будто в этой сфере его жизнь сложилось как нельзя лучше, словно тут все пошло по плану. – А у вас есть детки?

– Собиралась завести ребенка, но теперь, думаю, не буду, – ответила Эмили, открывая дверцу машины.

Возможность упущена – Эмили попыталась выстроить семейный дом, но рухнули стены. Она чувствовала себя мультяшным персонажем, который ловко преследовал добычу по пустыне, а потом его вдруг раздавил тупой предмет. Ну что ж, подумала Эмили. Ну, черт побери, что ж.

2

По полуденным улицам за пляжем гремели детские коляски, велосипеды, топотали ноги в сандалиях. Машины едва двигались. Над водой летал туристический вертолет и парили белые чайки. Море, когда волна отступала, тяжело перекатывалось по песку, оставляя небольшие завитки водорослей. Эмили прислонилась к стене набережной и ощутила, как растворяется в движении воды и сборище тысяч тел. В небе, как приклеенное, палило солнце.

Питер Попеску наверняка знает толк в интервью. Он проводил, вероятно, сотни бесед с жертвами и преступниками, когда на кону стояло очень многое. Возможно, он справляется с этим лучше, чем Эмили. Возможно, он даже будет тыкать ее в это носом. Эмили вновь увидела, как мир в одночасье способен стать враждебным; вот она смотрит на прекрасный пляж, на отдыхающих людей, а в следующую минуту ей нужно выведывать информацию у человека, который возненавидит ее тон, акцент, вопросы, который посчитает, что она проделала весь этот путь, лишь бы вызвать хаос.

Бывший детектив предложил встретиться в парке за пляжем Куджи; в выходной день, по его словам, грех находиться в другом месте. Попеску был в зеленой рыбацкой шляпе, и Эмили, приехавшая пораньше, заметила его почти сразу, как только отвела взгляд от воды. Бывший

детектив степенно сидел на скамейке, держа в руках сложенный журнал («Нью-Йоркер»). На обложке красовался большой черный круг, похожий на какой-то портал. Попеску встал, приветствуя Эмили, и уселся обратно уже вместе с ней.

– Я подписчик, – пояснил он. – Всегда беру на пляж экземпляр. Это не напоказ. И сижу прямо здесь. Итак, полагаю, вы изучаете Третье апреля?

– Результаты коронарного обследования, заключение психиатра. Все, что смогла найти в старых газетах. В основных ежедневных изданиях, во всяком случае. Сегодня я хочу узнать вашу точку зрения. Как вы видите произошедшее теперь, почти восемь лет спустя.

– Моему бывшему шефу это не понравится, но увы, увы, я нынче работаю в частном секторе. Он считает, что бывшие полицейские должны сидеть тихо, не высовываться, а я думаю, что мы имеем право голоса.

Замечание заставило Эмили насторожиться. Те, кто верил, что их заставили замолчать, при возможности наконец высказаться способны устроить сцену.

– Расскажите о ресторанах «У Лаки»? – предложила Эмили. – Особенно о последнем.

– Было время, когда рестораны «У Лаки» ассоциировались с культурой мигрантов, в основном греков, эмигрировавших после Второй мировой и Гражданской войны в Греции. Оккупация нанесла стране ущерб. Гражданская война снова ее развалила. Я знал несколько греков из кафе, и они часто говорили о голоде во время оккупации. Затем они приехали сюда готовить огромные блюда для австралийцев. Я вижу франшизу ответвлением греко-австралийских кафе в стиле дайнеров. Большинства уже нет. К тому времени, как в 94-м появился с пистолетом Генри, от сети осталось единственное кафе. Страна была более разнообразной в расовом и этническом плане. В последнем кафе греческие корни были только у пары сотрудников. Один повар был австралийским китайцем, второй – тонганцем. Мы не говорим об экзотике. Это современная Австралия. Еду они подавали англо-американскую.

– Окей, – произнесла Эмили, и тут же поняла, как сильно не любила это слово-паразит. – Как думаете, в чем СМИ и официальные отчеты ошибались относительно Третьего апреля? Есть ли то-то, что они упустили?

Попеску прикрыл глаза, будто пытаясь воссоздать в памяти какие-то детали, и Эмили ждала, пока схлынут волны мыслей.

– В случае Генри, – сказал бывший детектив, – было достаточно разговоров о его психическом здоровье, доступе к огнестрельному оружию, плохой социализации. «Дейли телеграф» опубликовала статью, что над Генри какое-то время издевались в школе. Да, он был неуравновешенным человеком. Вы читали отчет психиатра: в подростковом возрасте ему поставили диагноз «шизофрения», но позже по этому поводу возникли разногласия. Другой врач обнаружил, что Генри страдал тяжелой депрессией. Но, по-моему, что не рассмотрели должным образом, так это его чрезмерное чувство дозволенности.

– Дозволенности чего?

– Всего, что он хотел. Планируя и совершая убийства, он реагировал на мнимую обиду. В день бойни он пришел к Лаки в дом и попросил дать ему работу. А когда Лаки отказал, Генри отправился в кафе и устроил там стрельбу. Острой нужды он не испытывал, он подрабатывал на полставки в бригаде по сносу. Но он считал, что у него есть право работать в «У Лаки».

– Вы изучали психологию? – спросила Эмили, и Попеску взглянул на нее так, будто она задала слишком личный вопрос.

– Нет, но поверьте, у меня богатый опыт общения с психологами и психиатрами.

– Хорошо, итак, по версии коронера, когда Генри посетил дом Лаки за несколько минут до стрельбы, он всего лишь оттягивал то, что собирался совершить. Пистолет, скорее всего, уже находился в его машине.

– Да, некоторые стрелки создают отвлекающий маневр, который быстро себя исчерпывает. Это их способ поиграть с миром, утвердить над ним власть. Генри надумал короткую

встречу, которая, вероятно, убедила его осуществить план. Он не первый раз просил Лаки о работе. Он знал ответ заранее. Полагаю, Генри видел себя жертвой мира. Он считал, что остальные, что все мы обходились с ним несправедливо.

– Что заставляет вас так думать?

– Насилие оказалось заложено в его отношениях с родителями. У него в анамнезе не было крайних проявлений гнева – никаких обвинений в нападениях, порче имущества. Однако он регулярно угрожал самоубийством, и, когда ему было далеко за двадцать, он подвергал родителей громким вспышкам ярости, как правило, из-за того, что он не получил, например работу. Или если человек, которого он считал дураком, каким-то образом переходил ему дорогу. Эта злость была частью его защитного механизма. Жестокие фантазии Генри, которые он лелеял, учитывая совершенное в тот день, помогали ему чувствовать себя лучше перед лицом разочарования. У него не было ни друзей, ни партнера. Он пугал родителей. Вероятно, часто сталкивался с отказом, потому что смотрел на мир как-то неправильно, и люди это замечали. Когда Лаки не дал ему работу, уже имеющийся защитный механизм помножился на мнимую обиду.

– И что двигало этим чувством вседозволенности?

– Он считал себя лучше других. Очевидно.

Попеску снял рыбацкую шляпу: его волосы, разделенные пробором над правым ухом, и седая козлиная бородка напомнили Эмили о футбольных тренерах, боксерских залах и вазэктомиях. Она предположила, что он отрастил бородку после ухода из полиции.

– Генри испытывал немалые трудности всякий раз, когда его вере в собственную исключительность бросали вызов. Но почему после отказа в «У Лаки» его жестокость настолько зашкалила?

– До попыток устроиться на работу в кафе Генри был его постоянным посетителем. Это был знакомый ему мир, который он осознанно выбрал, но который не хотел его принять. Возможно, Генри считал кафе вторым домом. И ответил на отказ невероятной жестокостью. Он не смог получить то, что было у них, у работников и посетителей, поэтому отнял их жизни.

– Что Лаки думает об этой интерпретации?

– Спросите у него. И спросите мать Генри.

– Я хочу взять у нее интервью. У вас есть номер телефона?

– Не делюсь контактными данными с прессой. Такое у меня правило.

Попеску помахал проходившей мимо босоногой парочке. Эмили спросила, живет ли он в Куджи, и Попеску ответил, что до прошлого года жил в доме на холме, но оставил семейный очаг и теперь обитает в нескольких районах отсюда.

– Полагаю, с Лаки вы уже встречались? Нынче он на мели.

– Как же это произошло?

– Когда он продал франшизу в семидесятых, он был в долгах. Наверняка довел бизнес до ручки. Тогда ему оставили единственный ресторан. После бойни у Лаки развилась страсть к азартным играм, и он все потерял.

– Он не упоминал азартные игры.

– Вот вам совет: Лаки не заслуживает доверия, он не расскажет всей истории. Я успел его немного узнать.

– Он планирует вернуться в бизнес.

– Лаки хочет начать жизнь заново? Не удивлен. Реальность для него слишком тесна. Но дело обернется полной катастрофой. Он типичный Дон Кихот.

– Он сказал, что вы недавно ему звонили. Вы друзья?

– Не друзья. Но он, похоже, был рад поговорить. Я набрал и Софию, она особо не распространялась.

– Зачем вы им звонили?

– В работе возникают моменты, которые вызывают интерес. Безвредный, не навязчивый. Обидно, когда люди путают доброту и чужаковатость.

– Нет, Лаки за вас ручался.

– Знаете, я и сам подумывал написать о Третьем апреля, но пришлось бы брать отгулы на работе. Создание книги – труд, который стоит денег. А мне еще за два дома расплачиваться. И я никогда ничего не писал. Может быть, когда получу отпуск по выслуге лет.

3

Эмили поработала из отеля. Звонила, писала заметки, составляла цепочки вопросов. С разбитым сердцем привычные действия приобретали новое значение. Все связанное с работой приносило облегчение – не радость, но мимолетное избавление от несчастья.

Еще до того, как она потеряла работу, а Майкл признался, что любит другую, Эмили остро ощущала, как уверенность покидает ее, что где-то на жизненном пути она изменилась, выросла из юношеского самообладания, а самоощущение не получило адекватной замены. Как припарковалась за столом корректора много лет назад, так и осталась бы там навсегда, вот и вся карьера. Время от времени младшим поручали написать короткую рецензию или заметку о путешествии – подсластить жизнь, чтобы удержать их в редакции. В последний раз Эмили была на задании в 1999-м, когда «Индепендент» отправили ее на два дня на Венецианскую биеннале. Задача состояла в том, чтобы подготовить статью с точки зрения человека, для которого биеннале – новый и чуждый опыт, у которого нет познаний в мире искусства, чтобы его продавать или критиковать, поскольку газета уже опубликовала две такие статьи от обычных критиков. В павильоне в парке Джардили Эмили повезло: она стала свидетельницей драки между немецкими артистами и перебивавшими их зрителями. Один артист в громкой потасовке сломал руку; на полу Эмили заметила несколько выбитых зубов, но кому они принадлежали – непонятно. Никто их так и не подобрал. Когда прибыли карабинеры, Эмили сидела с блокнотом на коленях, описывая происходящее. «Похоже, эта статья по сути настрочила сама себя», – заметил редактор. И больше не заказал у Эмили ни слова. Никто не заказал. Никто не принимал ее питчи. В отделе новостей ответственного редактора прозвали Удей, как Хуссейна – с подачи Эмили, – потому что он обладал скверным нравом, редко брился, а его отец был главредом. А еще Удей вечно пучил красные деспотичные глаза. В отделе новостей «Индепендент» Эмили раздавала еще несколько нелестных прозвищ, которые намертво прилипли к коллегам. Два примера: пьянствующий и вечно отсутствующий на рабочем месте младший редактор получил кличку Красный Октябрь в честь пропавшей русской подлодки, а самодовольная репортерша по имени Донна, которая ужинала по ночам, стала известна как Кебаб (Донна Кебаб, если полностью). Только в их отсутствие, вне пределов слышимости или за пределами офиса их называли Удей, Красный Октябрь и Кебаб.

После пары месяцев безработицы Эмили пришла к выводу, что Удей прознал про кличку и откуда она взялась, и настоял на увольнении.

На прошлой неделе Майкл сказал, что вся эта мелочная политика отдела новостей и застой, редактирование репортеров и обозревателей, которых она не уважала, – это не испорченная жизнь, а, возможно, подготовка к заданию в Сиднее? Майкл все это время из кожи вон лез, чтобы подбодрить жену, – и все равно находил время на интрижку.

Эмили не раз его спрашивала, хороша ли ее задумка со статьей. Майкл заверял, что все идеи Эмили великолепны.

4

Самоубийство отца оставило у семилетней Эмили впечатление, что она недостаточно для него хороша, что ее оказалось слишком мало, чтобы сохранить ему жизнь. Зачем Иэн покончил с собой, когда у него была дочь, Эмили? Может, она сказала или сделала что-то равнодушное или плохое? Ей было сложно постичь, как сложен взрослый мир и почему люди совершают странные поступки. Подростком Эмили начала чувствовать себя неуверенно в классе и в кругу друзей. По ночам она мысленно прокручивала разговоры, пытаясь понять, где допустила ошибку и что могла бы сказать иначе. Всякий раз, когда Эмили становилось чуть лучше, ее тут же одергивал червячок сомнения. Чтобы скрыть это, она делала вид, будто ей плевать на мнение других.

По мере взросления Эмили, к явному неудовольствию матери, все больше интересовалась Иэном Асквитом. А вот его – и ее вроде как – семья не хотела иметь с ней ничего общего. Брат и сестра Иэна жили в Бакингемшире, и шестнадцатилетняя Эмили написала им обоим по письму. Никто не ответил. Мать Эмили рассказала о нем всего несколько скучных историй – ни увлекательных, ни достаточно откровенных, если только Асквит и в самом деле не был скучным человеком. Эмили пришла к мнению, что мать утаивала то, что ей было неприятно обсуждать. Мать хотела жить дальше! Дочь не могла.

Хайди, мать Эмили, повторяла: «Не так уж много можно узнать о прошлом. Не так уж много можно узнать о своих корнях». Эмили было трудно принять столь категоричные заявления.

Ей пришло в голову, что статья о Лаки была заменой для реальной истории ее отца.

Иногда по ночам Эмили закрывала глаза и говорила с покойным отцом. Представляла, как слышит от него те самые нужные слова. Мне жаль. Я ошибся. Мы похожи, но ты не кончишь так, как я. У тебя будет другая жизнь.

5

Под дверь гостиничного номера скользнула карточка. Пока Эмили не было, ей дважды звонил Майкл. «Пожалуйста, позвони домой», – гласило сообщение.

– Дело в том, – произнес Майкл, – что я правда тебя люблю.

– Нет, не любишь. Правда не любишь.

– Я влюблен в двоих одновременно.

– Вот уж вряд ли!

– Мои отношения с Терезой были совершенно неизбежны. Они просто случились.

– Да, определенно случились.

– Ладно. Слушай, звонила твоя мама. Она забыла, что ты в Австралии. Ты уже рассказала ей о...

– О том, что ты трахаешь эту девку? Нет. С нетерпением жду этого разговора в ближайшее время.

Они проговорили в таком духе еще минут пять, пока Эмили смотрела в окно на бродившего взад-вперед, будто в поисках нужного адреса, мужчину, а потом ей надоело, и она положила трубку.

Давным-давно Эмили часто давала советы убитым горем друзьям, которые переживали разрыв с любимым человеком. Самым важным условием отношений, по ее словам, был взаимный характер любви. Как только взаимность сходит на нет, дальше ты любишь обман, человека из прошлого, которого теперь выдумываешь. Невозможно, утверждала Эмили, долго оставаться влюбленным в фальшивку, когда ты это знаешь наверняка. В Сиднее Эмили напомнила

себе свой же совет, но не нашла в нем ни капли утешения. Она сидела за столом гостиничного номера с газетой, которую почти не читала, и стаканом холодной воды, которую потягивала, словно крепкий алкоголь.

Эмили легла в постель и натянула простыни до подбородка, а потом снова встала и принялась ходить туда-сюда. Она думала о Майкле и Терезе в лондонской квартире, представляла их голыми на ковре между диваном и телевизором – сцена была едва ли выносима, и все же отпечаталась в мозгу, будто настоящее воспоминание, и Эмили больше не могла представить, как входит в ту квартиру, как сидит на том диване, зная, что они могли вытворять и что при этом чувствовали.

Отправив Лиаму электронное письмо из трех предложений – «Прилетела. И ты оказался прав насчет интрижки Майкла. Он влюблен в некую Терезу», – Эмили вышла из номера в синей юбке и белой блузке.

Она поела в ресторане балканской кухни на Краун-стрит и выпила вина в баре. Когда Эмили смотрела на лица незнакомцев в Сиднее – а то же самое часто случалось и в других зарубежных городах, – она вспоминала людей в Лондоне, улавливая некоторое сходство. Она повсюду видела австралийских двойников бывших коллег и старых друзей, словно разум помогал смягчить разлуку с таким далеким сейчас домом. Всякий раз, как Эмили замечала кого-то, похожего на Майкла, внутри все сжималось, перекручивалось.

По дороге в гостиницу из бара она остановилась на пешеходной дорожке, одинокая и замороженная зрелищем – над башней, словно в горячке, кружили десятки огромных летучих мышей.

1945

1

Через несколько дней в камере, куда тюремщики приносили им еду и воду практически без единого слова, у Лаки и Грегора закончились темы для обсуждения. Чтобы нарушить тишину, Лаки насвистывал или напевал мелодии Бенни Гудмена, которые намеревался исполнить, например, *Why Don't You Do Right?* или *Don't Be That Way*. Сквозь вентиляционные отверстия высоко в стене сочился солнечный свет. В воздухе, словно осязаемые комки жира, висел запах немых тел.

– Да мать твою, – дрожащим голосом произнес Грегор в последнее утро их заключения, а Лаки услышал, словно кто-то издали крикнул: «Загрел в тюрьму!»

– Возьми себя в руки, – одернул его Лаки.

– Что они с нами делают? Это же пытка!

Прошло, наверное, еще два или три часа, прежде чем дверь наконец открылась. Военный полицейский позвал «Бенни», и вскоре Лаки очутился в достаточно освещенной комнате в задней части здания.

На столе стояла тарелка с бараниной и тыквой. А еще лежало письмо с мольбой, которое Лаки написал несколько ночей назад.

– Поговорим, пока ты ешь, – заявил военный полицейский, которого Лаки и Грегор между собой называли Гарри.

– Спасибо.

– Мы знаем, что тебя зовут Василис Маллиос. Ужасное имечко. Я бы возненавидел родителей...

– Зовите меня Лаки. А вас как?

– Не советую с нами шутки шутить.

– Как давно ты в этой стране, Лаки? – поинтересовался второй, Фрэнк.

– Восемь месяцев.

– Ты призывник, Лаки?

– Нет.

– Большинство призывников – ушлепки, думал, ты из них.

– Никакие концерты давать ты не будешь, – сказал Фрэнк.

– Кроме одного, завтра днем в отеле «Коллинз», – продолжил Гарри. – Город закрывается рано, значит начало тоже рано. Ты выступаешь как Бенни, мы берем плату. Твой дружок собирает денежки на входе и отдает их нам. Владелец хочет пятнадцать процентов. Вы получите ноль.

– Нам нужно подумать, – произнес Лаки.

– Тогда подумай сейчас. Вот, чтобы ничего не отвлекало. – Гарри убрал со стола тарелку с недоеденной трапезой.

– А после концерта мы свободны?

– Посмотрим.

– Если вы заставите меня играть, мне нужны мои сумки и кларнет, я должен практиковаться. Но не здесь, в камере слишком темно.

– Ладно.

Лаки перевел взгляд с Фрэнка на Гарри.

– И нам нужно помыться.

- Это приемлемо.
- И бутылку крепкого. И сигарет.
- Просто смотрю на тебя, и уже бесишь, – бросил Гарри. – Бенни Гудмен – великий музыкант. А ты – кретин.

Он грубо помог Лаки подняться со стула, хотя помощь вообще-то не требовалась, и они пошли обратно в камеру. Самозванец попросил тюремщиков оставить дверь, пожалуйста, открытой.

2

В тот день, пока Лаки дремал, а Грегор сидел в темноте на краю койки, ерзал и курил, на поезд до Центрального вокзала села женщина по имени Валия Аспройеракас. Заняв место у окна, спиной вперед, она вдруг заметила в стекле свое отражение. Больше всего бросалась в глаза обнаженная рука, оливковая кожа на фоне голубого длинного платья. Вдоль предплечья виднелись маленькие шрамы от глубокой печи в кафе.

Валия вернулась к чтению «Джуда Незаметного». В Уэссексе Томаса Харди она видела свою реальность: пристанище раздавленных мужчин и блестящих женщин с, увы, подрезанными крыльями, предопределенных жизнью, ворочающихся в постелях детей. Когда с персонажами Харди случалось плохое, на глаза Валии буквально наворачивались слезы.

Валия взяла маленький отпуск от бизнеса своего отца и дома, который он выстроил за кафе. Ахилл Аспройеракас решил, что его старшая дочь должна провести незамужние годы за обслуживанием клиентов в семейном кафе, пока он сам работал на кухне, с восьми утра до девяти вечера; каждый день их жизни снова и снова проходил за прилавком и плитой. Раньше Валия старалась быть с посетителями теплой, очаровательной, хотела показать им, как сильно любит жизнь. И ей действительно нравилось работать, у нее хорошо получалось. Но к 1945-му переработки испортили ей удовольствие от труда, и в последнее время Валия просто улыбалась и показывала людям меню. Ее младшая сестра Пенелопа еще училась в школе и в кафе была бесполезна, и потому была избавлена от обязанностей в семейном бизнесе, по крайней мере пока.

Их мать умерла в тридцать один год. Обе их бабушки тоже умерли молодыми. Валия видела закономерность и считала, что отпуска способны спасти ее рассудок и, возможно, жизнь (Ахилл выступал против регулярных выходных). Воскресные вечера – вот предел ее свободного времени. Валия еще не знала, как противостоять отцу, но им можно было управлять и манипулировать.

Она планировала остановиться в гостинице, побыть одной, свободной, другой Валией – двойником, аватаром, Валией с другой фамилией. Чтобы сбежать на целые выходные, она сказала отцу, что ее призвали на обязательные учения выходного дня от АЖВС – Австралийской женской военной службы. Это Ахилла уступило перед войной. Он предполагал, что у дочери нет выбора, что она юридически вынуждена посещать это учебное мероприятие от АЖВС или какие там еще буквы она ему выдавала.

- И как часто это будет? – спросил Ахилл. – Ты нужна мне в кафе.
- Я передам твои возражения.
- Объясни, что твоя мать умерла, что остались только ты да я. Не упоминай Пенелопу, а то ее заберут следующей!
- Я уже написала о нашей ситуации.
- Что за страна призывает женщин?
- Нам не дают оружие.
- Это мешает нашему бизнесу!
- Это всего лишь одни выходные.

- Месяц может выдаться напряженным. Объясни им.
- Я скажу, что мне нужно работать, и на этом, наверное, все и закончится.
- Но не дерзи и не высказывайся в их адрес.
- Ни в коем случае.
- Где ты остановишься?
- В общежитии для женщин.
- Тогда иди! А мы потерпим.

Поезд вполз на платформу Центрального вокзала. Валя выпрыгнула из него пораньше и побрела рядом с медленно движущимся вагоном. Небо прояснилось после недавнего дождя. Сперва она найдет кофе и сигарету. Потом – отель «Коллинз». С каждым крошечным решением будущее менялось.

3

В отеле, что возвышался на углу улицы, с открытыми окнами в стиле де Кирико, заранее собирались люди. Состав публики был полностью гражданским. Грегор сидел у входа с сумкой для денег, собирая плату и разворачивая военнотружущих, согласно правилам входа. Только для гражданских лиц. Никто не поднимал шум.

«Бенни» ждал в крошечном служебном помещении, весь в поту. Мандраж перед выступлением все нарастал из-за гула людей, ожидающих встречи с ним, и приближавшегося шквала голосов. Периодически у Лаки возникало сильное желание бросить своего приятеля Грегора и сигануть из окна первого этажа, а потом – если прыжок пройдет гладко – рвануть когти. Мерзавцы Гарри и Фрэнк то и дело заходили проверить своего человечка. Их забавлял вид Лаки, теребившего кларнет, и особенно повеселило, когда управляющий клуба, участник их мошеннической схемы, прислонился к дверному косяку, засунув руки в карманы, и сообщил «Бенни», что в заведение каким-то образом втиснулось аж четыреста шесть человек. А вообще-то его вместимость примерно триста пятьдесят, и управляющий раньше никогда не имел возможности просчитать предельный максимум.

Выступление планировалось без аккомпанемента, только самые приятные мелодии Гудмена в его самых популярных аранжировках.

Фрэнк провел пятерней по волосам.

– Ты б насладился концертом, – обратился он к Лаки, – потому что уже завтра можешь вернуться в тюрьму.

Управляющий представил Бенни толпе.

Некоторые люди не знают, на что они способны, пока не наденут правильную маску. Чтобы выступать, им нужно скрыть часть себя. На сцене, прежде чем стихли аплодисменты, Лаки начал шоу с неверной ноты: «до» вместо «си-диез»¹.

Он исполнил Don't Be That Way, которая закончилась, не успев начаться. Следующую он исполнил в том же духе (поскорее со всем покончить). Третьей по списку была Stomping' at the Savoy (эту Лаки сыграл бы и мертвым). Выступление продолжалось, и он все чаще испытывал приступы возбуждения всякий раз, как чувствовал нутром магию бурных, искренних аплодисментов.

В итоге Лаки играл гораздо дольше, чем ожидалось. Каждая композиция была растянута, нервно распутана и доведена до конца. Никто из зрителей не понимал, что Лаки не настоящий Бенни Гудмен; они никогда этого не узнают. Когда люди хлопали или с волнением общались к сидящим рядом, они говорили то, что Лаки хотел бы услышать до войны, когда играл во

¹ Вероятно, автор допустил ошибку, т. к. до и си-диез – это одна и та же нота. (Здесь и далее прим. пер., если не указано иное.)

всех этих злопыхательских бэндах. Выступление, как Лаки его запомнит, было овеяно славой – лживой, но почти столь же значимой, как истина.

Покинув сцену, он вернулся в подсобку, где не смог сидеть спокойно. Он жадно глотал воздух, взгляд сновал туда-сюда, словно две беспокойные мошки.

– Публика здесь славная, – сообщил Лаки Грегору.

Тот пропустил все действие, и у него из носа текла кровь.

– Мне тут всыпали.

– Однозначно, – согласился Лаки.

– Фрэнк меня поколотил. Взбесился, когда я принес деньги. Мол, я прикарманил сколько-то там.

– А ты прикарманил?

– Ясен-красен! Все это моя идея. Так почему прибыль только у них?

– Где они?

– Не знаю. Кажется, у меня в носу что-то лопнуло.

– Давай помаячим тут, познакомимся с народом?

– А лицо мое? Презентабельный видок?

– Умойся, – сказал Лаки. – А потом найди меня.

У входа в подсобку ожидал молодой англичанин, лет двадцати с небольшим, с зализанными назад, как у летчика (которым он не был), черными волосами. На нем красовался клетчатый блейзер, лицо светилось обожанием. Лаки с нетерпением ждал новых похвал; это желание более чем уравновешивало страх разоблачения.

– Просто превосходное выступление, мистер Гудмен! – произнес парень. – Благодарю вас.

– Вы так думаете... даже без бэнда?

– С самого начала войны не получал столько удовольствия. Вы были... – англичанин умолк, – великолепны. Уникальны. Вы мне очень понравились.

– Никто никогда не отзывался о моем исполнении так хорошо.

– Сомневаюсь. Публика от вас в экстазе.

Англичанин повел Лаки к столику в баре отеля, но сам садиться не стал. Вскоре он вернулся с напитками, держа поднос так, будто вручал приз. Лаки даже не сразу понял, что афера сошла ему с рук, что он свободен от Фрэнка и Гарри. Полиция больше не играла никакой роли в этой истории. Они забрали деньги, покинули отель и дали Иэну Асквиту встретиться с Бенни Гудменом.

4

Спустя полчаса – или Лаки так показалось – к их столику подошел Грегор и представился менеджером Бенни Гудмена, не потрудившись объяснить свой красный и распухший нос. Грегор сел рядом с Асквитом и принялся слушать рассказ о записи концерта Бенни в Карнеги-холл в 38-м году. Лаки тем временем прикончил четыре бокала, после чего отказывался от дальнейшей выпивки (было время, еще до службы, когда Лаки имел склонность злоупотреблять алкоголем, потому как лишь в пьяном угаре верил, что он настоящий музыкант). Все трое курили сигареты Асквита. Бар был полон, но к Бенни Гудмену никто не подходил.

– Слушайте, я кое-что решил, – заявил Грегор, когда Асквит окончил разбор выступления. – Хочу в команду подлодки. Что думаете?

– Bravo, – кивнул Асквит. – Правда, очень храбро с вашей стороны оставить нынешние обязанности. Вовсе не считаю это глупым. Вы знаете, я живу в Сиднее с сорокового года. Довольно спокойный способ провести войну.

– Я могу умереть на подлодке, – сказал Грегор.

– Вполне возможно, – согласился Асквит и повернулся к Лаки: – Скажите мне, Бенни, если вопрос не покажется слишком неудобным, каково это – быть успешным?

– Я не часто думаю о себе как об успешном человеке.

– О, да ладно, каково это? – встрял Грегор. – Нам нужен достойный исчерпывающий ответ.

– Иногда я чувствую, что мне повезло, что я избранный, будто я вышел сухим из воды, но с разрешения людей, которые могут отозвать его в любой момент. И тогда мне придется быть буфетчиком в армейской столовой, или солдатом, или работать в закусочной. Иногда я вижу лишь ошибки, которые совершил. Они свидетельствуют, что в следующий раз я должен сделать лучше. Знаю, мне предстоит долгий путь, и в старости, может, я буду думать о том же. В лучшие дни я чувствую, что отдаю долг самому себе. Выполняю условия своего личного контракта.

Лаки не составляло труда представить, каково это – быть исключительным человеком. Человек хорошо знает свои мечты, возможные или невероятные, банальные или экстравагантные, отвергнутые или те, за которые он крепко или глупо цепляется.

– Интересно, какие же условия в моем собственном контракте, – произнес Асквит. – И что я должен делать лучше.

Время от времени, когда вечер продолжался и разговор почти по умолчанию сворачивал к теме карьеры Бенни Гудмена, или повисала пауза и все внимали мнению великого музыканта, Асквит оглядывался и похлопывал Лаки по плечу, особо подчеркивая, как наслаждается его обществом. Другие любители музыки, в основном мужчины, наконец нашли в себе смелость подойти к Бенни Гудмену и теперь робко стояли у стола, поддерживая светскую беседу и бросая на маэстро взгляды, полные почти сексуальной любви. Все это продолжалось, пока Асквит не прочитал по лицу Лаки, насколько тому неудобно, и не отослал их вежливо, сказав, что мистер Гудмен устал.

Грегор принялся жаловаться на планы военного министерства – он не понимал, почему армия США хотела начать демобилизацию солдат до капитуляции Германии: они все подписали один и тот же контракт, период боевых действий плюс шесть месяцев, а в ВВС и ВМФ все еще призывали, – как вдруг Лаки и Асквит отвлеклись на Валию Аспройеракас, которая сидела за высоким столиком, озаренная мандариновым свечением. Ее длинные волосы безупречного черного цвета ниспадали по спине, обвиваясь вокруг ремешка синей, вышитой бисером сумочки. Валия подпирала подбородок рукой, излучая уверенность женщины с какого-нибудь портрета, словно ее забавлял переполненный незнакомцами бар вокруг.

Высокий австралиец, человек, будто бы состоящий из более крупных и грубых молекул, чем Лаки, заговорил с Валией, но понял намек и удалился. Асквит внимательно следил за ними, ожидая развязки.

– Прошу прощения! – повысив голос, обратился он к Валии. – Не желаете познакомиться с Бенни Гудменом? Он очень славный.

– Желаю, – кивнула Валия.

– Мне не стоит слишком многого себе позволять, – продолжал Асквит, – но вы гречанка, не так ли?

– Да, в определенной мере.

– Могу я узнать вашу фамилию?

– Аспройеракас.

– Тогда вы, должно быть, кефалонка.

– Нет, я с Итаки.

– Английский – ваш родной язык? – поинтересовался Асквит.

Валия кивнула, не впечатленная вопросом.

– Вы не хотите посетить собрание, которое я провожу раз в месяц в Элизабет-Бей? Мы читаем на древнегреческом. В следующий раз планируем трагедию «Хоэфоры». Потом – «Эвмениды». Будет интересно, если поприсутствует человек с греческими корнями. Вы, думаю, хорошо проведете время.

– Я не знаю этих трагедий. И не знаю вас.

– Мое имя – Иэн Асквит. Невероятно рад знакомству. Я второй секретарь Верховного комиссариата Великобритании.

– В чем разница между первым и вторым секретарем? – полюбопытствовала Валя.

– Это потребует долгих объяснений.

– Тогда забудьте.

Асквит рассмеялся.

– Мне нравится ваша смелость.

– Не желаете присоединиться? – предложил Лаки.

Асквит практически единолично владел вниманием Валии, задавая ей несерьезные личные вопросы с другого конца стола всякий раз, как Бенни и его менеджер обращались непосредственно друг к другу. Несколько раз он даже говорил по-гречески – пытался, как предполагал Лаки, установить особую, интимную связь.

– Я не очень хорошо знаю греческий, – шепнула Валя Лаки.

– Я тоже, – ответил «Бенни Гудмен»

– С людьми за этим столом что-то не так, – снова тихонько заговорила Валя. – Такое ощущение.

– О чем вы? Вас это беспокоит?

– Нет, я посижу.

Лаки в основном молчал, давая говорить остальным. Может, именно так и поступают профессиональные артисты –веряют себя другим. Это другие делают из тебя нечто особенное. В незнакомых городах ты встречаешь людей, которых никогда прежде не видел, и надеешься, что все получится. Лаки пытался понять общественную роль, играть которую ему не светило. Почему его так трогала признательность на лице Асквита? Значила бы она что-нибудь для настоящего Бенни Гудмена? В тот вечер Лаки подтвердил свое старое подозрение, что успешному человеку живется гораздо проще.

Зрители расходились. Они прощались с Бенни Гудменом, перекидывались с ним парой слов, просили пожать им руку.

– Вот это настоящая музыка!

– А вы вернетесь?

– В следующий раз хочу увидеть Бенни Гудмена с его бэндом.

В конце концов отель «Коллинз» стал похож на обезлюдевшую мечту. Сверху доносился стук дверей. Грегор и Валя тихо разговаривали друг с другом, а Лаки старался сохранить невозмутимость, хотя на самом деле мысль, что он больше никогда не увидит Валию, вызывала в нем тревогу. Асквит отправился на поиски владельца отеля в надежде, что их маленькой, но важной компании позволят продолжить общение. Где-то за баром гудел и содрогался водопровод.

Лаки чихнул так громко, что чуть не вышел из образа. Валя взяла его под руку.

– Мне кажется неправильным вас обманывать, – произнес Лаки тихо. – Я не Бенни Гудмен. Но думаю, вы и сами уже поняли, что мы самозванцы.

– Может, и не поняла, – отозвалась Валя. Она склонила голову и улыбнулась, блуждая взглядом по бару. – Зачем вам притворяться?

– Для разнообразия стать кем-то другим. Выйти за пределы самих себя. Повеселиться. Хотя до сегодняшнего вечера все шло не совсем по плану.

– Как забавно, – произнесла Валя. – А мистер Асквит всему верит.

- Мое настоящее имя Василис.
- Тогда мы тезки. Валя – это сокращение от Василики.
- Есть греческий миф... забыл, какие там участвовали боги. О том, что все влюбленные – это один и тот же человек, разделенный пополам. Мы ищем недостающую часть себя. И когда находим, происходит нечто странное и хорошее.
- Глупый миф.
- Не был уверен, стоит ли упоминать.
- Мне нравится, что вы признались в афере, пусть это и могло вам дорого обойтись.
- Я рассказал Валии правду, – через стол обратился к Грегору Лаки.
- Ну, ты тут за главного, приятель, – произнес тот.
- Мы сидим за одним столом с величайшим из ныне живущих музыкантов мира! – возвестил Асквит, вернувшись.
- Правда? – спросил Грегор.
- Мой мальчик, разве вы сегодня его не слышали? Я вот не мог насытиться. Бенни так смел! Играть композиции для биг-бэнда – и без биг-бэнда! Как идеально по нынешним временам. Признаю, что рискую показаться претенциозным. Ваш концерт был отражением жизни на родине в сорок четвертом.
- Асквит передал через стол свой фирменный бланк с адресом в Элизабет-Бей.
- Валя, вас заинтересовало участие в мероприятии, о котором я упоминал? Литературный салон.
- Нет, не заинтересовало, – ответила та.
- Право слово, какая честность.

С кислой улыбкой и без слов прощания Асквит встал, и Лаки поднялся следом. Они пожали друг другу руки, а Валя дернула себя за прядь, чтобы не рассмеяться. Она думала, что видит Асквита в первый и последний раз. Он оставил после себя уютную тишину. Лаки сложил лист с адресом. Управляющий отеля принес два ключа, за счет заведения – для Бенни Гудмена и его менеджера.

Из своего номера Грегор слышал, как на Центральном вокзале гудят, шипят и нетерпеливо скрежещут локомотивы. Уличные кошки за окном скакали галопом туда-сюда и вопили. Желая, чтобы они замолчали, Грегор закрыл глаза. Через двадцать три дня он доставит цветы Мейв Дойл, управляющей отелем «Герберт Армз», которая нашла для них униформу и кларнет. Они вскользь поцелуются в саду при отеле. Возвращаясь в тот вечер домой, примерно в миле от аэропорта Бэнкстауна Грегор попадет под снабженческий грузовик.

Дальше по коридору Валя и Лаки сидели в его номере в изножье кровати. Их тела, склонившись для поцелуя, образовали букву «А». Займемся любовью в другой раз, сказала Валя, нам некуда спешить. Кто мы друг для друга, спросил Лаки. Скоро узнаем, ответила Валя. Новоиспеченная пара влюбленных, что поженятся в течение года, провела свою первую ночь вместе в номере, забронированном на чужое имя.

1971

1

Эмили играла на заднем дворе, залитом утренним светом. Ветер развеивал пряди ее волос, а она танцевала в новенькой яркой одежде, словно ей вот-вот пора на праздник. В руках она держала голубой воздушный шарик. День ее рождения прошел три дня назад, но ей все еще было радостно. Эмили уже не шесть, ей семь. Ленточка обернулась вокруг ее ноги, когда она закружилась, как волчок – и остановилась, прежде чем стало неприятно, – и пузатый шарик заболтался туда-сюда за спиной, пока Эмили, смеясь, длинными комичными па пересекала двор. От ветра у нее текло из носа и слезились глаза, но она не удосужилась вытереть стекающие по лицу слезы и грязь. Девочки постарше катались на велосипедах по улице, и Эмили, увлеченная игрой, отвечала на их крики тоненьким уханьем.

Мать позвала Эмили в дом – прибыл гость из Лондона. В прачечной, за черным ходом, Эмили вытерла лицо салфеткой, подтянула носки и поправила одежду. Не хотелось, чтобы мать суежилась из-за таких вещей: Эмили нравилось за собой следить. Гостем, как и ожидалось, был ее биологический отец, Иэн Асквит. Эмили слышала его голос в гостиной, слишком громкий, слишком серьезный. Прошлой ночью не сомкнул глаз, говорил он, мозг гудел, как старая машина. Не волнуйся, заверил он мать Эмили, взял билет на дневной поезд.

Эмили обняла отца, и тот, плюхнувшись на диван, поведал, что по дороге сюда думал, как сильно скучает по временам, когда дочери было два годика, как сожалеет о детском лепете, которого больше не услышать из ее уст; Асквит дорожил этими лишенными смысла диалогами с дочкой.

– На этой неделе мне уже семь, – сказала Эмили.

– Теперь ты всецело ограничена языковыми конструкциями, – произнес Асквит, касаясь ее волос. – В ловушке логоса.

– Бога ради, Иэн, – вмещалась мать Эмили, стоя у кухонного стола. – Выдумываешь чушь какую-то.

– Где сегодня твой муж?

– Работает в гараже. Прямо по ту сторону стены.

– В этом доме никогда не бывает книг! – заметил Иэн. – Надо было прихватить несколько. Эмили будет читать, когда подрастет.

Отчим Эмили родился в Ипсвиче, а его родители были оба из Суффолка, как и бабушка с дедушкой по материнской линии, и еще два поколения предков – кузен однажды занялся вопросом родословной. Эмили называла отчима Риком; от полного имени, Дерек, он давно отказался, потому что так же звали хулигана из его школы. Рика, который не мог иметь детей, бесконечно забавляла привычка падчерицы обращаться к нему по имени. Он предпочитал не находиться в одном помещении с Асквитом и скрывался всякий раз, когда планировались визиты, – Рик не выносил даже его вида. Явный псих, говорил Рик. Невыносимый, но не опасный, возражала мать Эмили.

Как Иэн и Хайди сошлись? Они познакомились в пабе в Хаммерсмите восемь лет назад, когда Хайди было двадцать два и она только приехала в Англию, намереваясь остаться там жить. Она выросла в центральной части штата Новый Южный Уэльс, в маленьком городке, ранее неизвестном жителям Ипсвича, под названием Невертайр, с населением четыре сотни человек. Хайди нравилось видеть, как название ее родного городка вызывало на лицах новых знакомых недоумение. А оно подтверждало, насколько далеко от своих родителей поселилась

Хайди. Она не любила говорить о семье, которую оставила в Новом Южном Уэльсе, даже с близкими друзьями, равно как ей не нравилось объяснять свой недолгий брак с Асквитом. Стоило им услышать какой-нибудь казус про Асквита, то есть практически любую мелочь, как обязательно нужно узнать: с какой стати Хайди вообще за него вышла?

Он был образован. Он был красив. Он был местным. В первый же месяц Хайди забеременела. Они, как положено, поженились, но брак вышел ужасным – ведь Иэн был Иэном, Хайди была Хайди, – и несочетаемая пара рассталась, когда Эмили стукнуло примерно два с половиной годика.

После того, как Хайди встретила Рика и влюбилась, мать, дочь и отчим переехали из шумного Лондона в тихий Ипсвич. Хайди с Риком пытались зачать для Эмили братика или сестричку. Они купили дом в рядной застройке, где все дома одинаковые и очень похожи на тот, где вырос Рик. Хайди называл это решение лучшим из всех, что они когда-либо принимали. Она не скучала по Лондону. В Ипсвиче она не скучала ни по кому и ни по чему.

Эмили скрестила ноги на полу гостиной и сняла с головы повязку, а потом и браслет – детали костюма, который собрала этим утром. В окне она видела, как по заднему двору мечется воздушный шарик.

– У меня есть для тебя подарок на день рождения, но я не взял его с собой, – обратился к дочери Асквит.

– Ты забыл подарок Эмили? – изумилась Хайди.

– Он дома, сохнет, – пояснил Асквит. – Это картина. Я ходил на занятия в библиотеке.

– Ей семь лет. Зачем ей вообще картина?

– Справедливо, – отозвался Асквит, разглядывая свои руки. – Наверное, я плохой отец.

– Нечего себя жалеть, – бросила Хайди.

– Папочка, а ты мне вчера приснился, – подала голос Эмили. – Мы пошли в магазин и поели чипсов. И купили игрушки.

– У меня великая масса сожалений, – сказал Асквит Хайди. – Ты даже не представляешь.

– О чем ты? – спросила Хайди.

– Я плохой человек.

– Продолжай.

– Я хотел сказать... Нет, давай забудем. Я слишком драматизирую. Ты ведь знаешь, каково это, когда я не сплю. Ужасно взвинчен. Налей мне чашку чая, а потом мы все могли бы прогуляться. Как тебе?

– Позову Рика, – не смилостивилась Хайди. – Я на минутку, Эм, хорошо?

Пусть Эмили слышала каждое слово, разговоры взрослых были для нее пейзажем, в котором она часто не могла сориентироваться. Ее отец – плохой человек? Но он не похож на плохиша. Или ему грустно на душе? Может, взрослые так шутят.

Как только Хайди вышла, Асквит спросил дочь:

– Хочешь свой подарок? Мы можем за ним съездить.

– Да, пожалуйста, – ответила Эмили.

Он поднялся с дивана, и они с Эмили вместе вышли на задний двор, а оттуда в переулок за домом. Когда начался дождь, Асквит раскрыл зонтик, под которым они укрылись, продолжая идти до самого поезда в Лондон. Их сиденья в нем были обтянуты красной тканью в узкую полоску, которая слегка искривилась от потертостей. Громко, протяжно взвыл гудок, и поезд, покачиваясь, помчался на запад.

– Посмотри в окошко, если хочешь, – предложил Асквит.

Он закрыл глаза, и Эмили уставилась на пышную зелень сельской местности, величественные церкви, утопающие в ней. Отец почти не разговаривал, скрестив руки на груди. Так они и доехали до самого Лондона, к его равнодушным жителям, которые проходили мимо маленькой Эмили, совсем, как ей казалось, ее не замечая. И она подумала: вот откуда он родом,

это место может рассказать мне что-то о нем, о моем настоящем отце, если бы только я пробыла здесь достаточно долго. Эмили вполне могла быть невидимой для всех, кроме Иэна Асквита, который не держал ее за руку, но привел сюда, хотел видеть рядом, шагал вместе с ней к дому недалеко от станции Эктон-Таун. Уже долгое время Асквит работал в администрации боро Илинг и обитал в той же квартире на первом этаже.

Четыре, пять, шесть... Эмили насчитала семь книжных шкафов. Маленькое жилище пропахло сигаретами и чистящими средствами и казалось – по крайней мере Эмили – местом, где никто не смог бы оставаться надолго, кроме ее отца.

– Присаживайся, пожалуйста. – Асквит протянул дочери стакан воды, куда добавил лимонного сока.

Послеполуденное солнце пробивалось сквозь деревья и крыши, подсвечивая книги на полках, пепельницу на подлокотнике свободного кресла и седые волосы Асквита.

– Ты все еще так безмерно юна, – продолжил он. – Если я уйду, если меня не станет, ты потеряешь немного, можно даже счесть, что и вовсе ничего.

– Я не понимаю, папочка.

– Я думал уйти. Даже кое-что подготовил. Но смотри. Вот.

Асквит вручил Эмили подарок: яркую картину с изображением кафе. Оно в Австралии, пояснил он, а я скопировал его с черно-белой открытки, которую выкинул, хотя, если задуматься теперь, стоило сохранить. Асквит рассказал дочери, что жил в гнетущих мыслях о решениях, которые принял вчера, на прошлой неделе, десятилетия назад. Как трудно было отказаться от прошлого!

Эмили спросила, не туда ли он собирается, в Австралию?

– Вовсе нет, слишком далеко. Нравится картина?

– Очень, папочка.

Асквит оглядел комнату и наконец остановил взгляд на книжной полке.

– Хочешь, я тебе прочитаю? – предложил он.

Эмили сказала, что да, хочет, и Асквит начал «Илиаду», но потом решил, что для ребенка она не годится. Тогда он выбрал «Мидлмарч» и прочитал первую и вторую главы, о мисс Брук, а затем свои любимые сцены о Ватерлоо из «Пармской обители», после чего вдруг раздался стук в дверь.

Асквит убрал книгу обратно на полку и приглушенным голосом сказал Эмили, что она должна забрать картину с собой.

– Пожалуйста, не забудь ее. Это твой подарок на день рождения. И не прикасайся к краске.

Из-за двери назвали себя два констебля лондонской полиции, затем заколотили в дверь с удвоенной силой. Асквит поднес палец к губам: тихо, ни звука.

Эмили подумала: неужели мне влетит? Ее отец закрыл глаза и мягко кивал, словно кто-то говорил ему на ухо.

Когда стук прекратился и полицейские, похоже, ушли, Асквит взял дочь за руку и открыл дверь, поморщившись от скрипа петель.

– А что мы делаем, папочка?

– Спасаемся бегством.

Не глядя по сторонам, они быстро зашагали в направлении станции. Картину с кафе «У Лаки» нес Асквит. Мальчишки на тротуаре играли блестящими шариками и монетками. В доме через дорогу запахнулось окно, и наружу полилась веселая фортепианная мелодия.

Они добрались до станции. Асквит отдал Эмили картину, которую она схватила обеими руками. Она спросила отца, отправятся ли они сейчас домой в Ипсвич и как долго туда ехать, но он не слушал. Его взгляд застыл на больших станционных часах.

– А что хотели те люди за дверью? – снова спросила Эмили. – Мама их знает?

Стрелки часов, странное течение времени, как будто сбили Асквита с толку. По платформе в их сторону шли двое полицейских.

– Не так я хотел все сделать, – сказал ей Асквит.

Больше он не произнес ни слова и даже не взглянул на дочь. Развернувшись, он направился к платформе позади них. Ой, он сейчас сядет в поезд не в ту сторону, успела подумать Эмили. Он уезжает без меня.

Асквит, пригнувшись, повалился вперед, на рельсы. И Эмили, все еще сжимая картину, увидела, как его тело изломал приближающийся поезд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.